

ЛІЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, ГЛАВКОНЪ, ПОЛЕМАРХЪ, ТРАЗИМАХЪ, АДИМАНТЪ, КЕФАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

Первая книга Платонова Государства начинается дружескою бесѣдою Сократа съ старикомъ Кефаломъ—о старости и,—когда по этому поводу, было замѣчено, что человѣкъ, прошедшій жизнь праведно и свято, наслаждается спокойною и веселою старостью,—возникъ у нихъ вопросъ: что называется *праведностью* или *правдою*? Р. 327—331 С. Послѣ сего Кефаль уходитъ, и о постановленномъ предметѣ начинаетъ разсуждать съ Сократомъ сынъ Кефала, Полемархъ. Этотъ правду опредѣляетъ такъ, что называетъ ее добродѣтелью, отдающею всякому свое. Но Сократъ находитъ, что его опредѣленіе въ человѣкѣ справедливомъ не предполагаетъ довольно осмотрительности; потому что въ такомъ случаѣ вещь, ввѣренную намъ для сохраненія человѣкомъ здравомыслящимъ, возвратитъ ему тогда, когда онъ сошелъ съ ума, значило бы поступить справедливо. Р. 331 С—332 А. Посему Полемархъ, измѣнивъ свое мнѣніе, видитъ теперь справедливость въ томъ, чтобы благодворить друзьямъ, и дѣлать зло врагамъ. Но Сократъ отвергаетъ и это опредѣленіе: предлагая Полемарху вопросъ за вопросомъ, онъ незамѣтно приводитъ своего собесѣдника къ заключенію противоположному, что человѣкъ справедливый былъ бы несправедливъ, еслибы сталъ вредить кому-нибудь. Р. 332 А—336 А. Послѣ того въ

бесѣду съ Сократомъ вступаетъ софистъ Тразимахъ и утверждаетъ, что справедливость есть не что иное, какъ дѣйствіе, полезное мужественнѣйшему и превосходнѣйшему. Но Сократъ опровергаетъ и это мнѣніе, — притомъ многими доказательствами, и учитъ, что человѣкъ справедливый, завѣдывая общественными дѣлами и имѣя силу въ государствѣ, долженъ смотрѣть не на личную свою, а на общую пользу, или на благосостояніе тѣхъ, которыми онъ управляетъ. Р. 336 А—342 Е. Тразимахъ однакожъ за такой взглядъ сильно укоряетъ Сократа, почитая подобную дѣятельность глупою, и, чтобы своему понятію о справедливости придать болѣе вѣса, начинаетъ великими похвалами превозносить несправедливость, говоря, что послѣдняя приноситъ человѣку гораздо больше выгоды, чѣмъ первая. Р. 342 Е — 344 С. Сократъ конечно не соглашается съ этимъ и подробно раскрываетъ, что несправедливость и не полезнѣе и не счастливѣе справедливости. Р. 344 С—354.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Вчера я съ Главкономъ ¹, сыномъ Аристана, сошелъ въ 327. Пирей ² поклониться божеству ³, а вмѣстѣ посмотрѣть, какъ будетъ идти праздникъ, совершаемый нынѣ въ первый разъ. И мнѣ показалось, что церемонія выполнена здѣшними жителями столь же хорошо и благоприлично, какъ будто бы выполняли ее сами Эракіяне. Поклонившись и посмотрѣвши, мы отправились назадъ въ городъ. Тутъ Полемархъ, сынъ В.

---

¹ Главконъ и Адимантъ, сыновья Аристана и Периктионы, были братья Платона: судя по тому, какъ въ этой книгѣ изображаются нравственныя ихъ свойства, надобно полагать, что Платонъ очень любилъ ихъ. *Groen van Prinsterer Provorogr. Platon.* p. 207 sqq.

² Весь этотъ разговоръ представляется происходившимъ въ Пирей, въ домѣ Кефала. Сократъ рассказываетъ здѣсь Тимею, Критіасу, Гермократу и какому-то четвертому лицу безъимянному—о томъ, что заставило его идти въ Пирей. Простотѣ и естественности этого вступленія удивлялись еще древніе. Оно, послѣ смерти Платона, найдено было на его таблицѣ съ разными поправками и перестановками словъ. *Diog. Laert.* III. 37.

³ Подъ божествомъ схоласти и другіе неправильно понимаютъ здѣсь Палладу, въ честь которой совершаемы были панаэиной. Напротивъ Платонъ разумѣетъ богиню Вендину или Вендиду, которой посвященные праздники назывались вендидіями и принесены были въ Аѣины изъ Эракіи. По свидѣтельству *Прокла* (in *Timaeum* p. 9. v. 27), вендидіи совершаемы были въ двадцатый день мѣсяца Таргеліона, въ Пирей, за два дня предъ празднованіемъ меньшихъ панаэиной, которыя посвящались Діанѣ, по-эракійски называвшейся Вендинъ. *V. Ruhnken.* ad *Timaei* Glossar. p. 62. *Creuzer.* *Symb.* T. II. p. 129 sqq. Что этотъ разговоръ происходилъ во время вендидій,—видно какъ изъ начала его, такъ изъ конца первой книги, гдѣ говорится: ταῦτα δὲ σοι, ἔφη, ὦ Σόκратες, εἰσδίδεω ἐν τοῖς Βενδιδαίοις.

Кефаловъ ¹, увидѣвъ издали, что мы спѣшимъ домой, приказалъ своему мальчику догнать насъ и просить, чтобы мы подождали. Мальчикъ, схвативъ меня сзади за плащъ, сказалъ: Полемархъ проситъ васъ подождать.—А я обернулся и спросилъ: гдѣ же онъ?—Онъ назади, идетъ сюда, отвѣчалъ мальчикъ; подождите, сдѣлайте милость.—Хорошо, подождемъ, сказалъ Главконъ.—Немного спустя, къ намъ присоединились и Полемархъ, и Адимантъ, сынъ Главкона, и Никиратъ ², сынъ Никіаса, и нѣкоторые другіе, возвращавшіеся съ церемоніи.—Тогда Полемархъ сказалъ: Сократъ! вы, кажется, спѣшите въ городъ.—Тебѣ нехудо кажется, отвѣчалъ я.—А видишь ли, сколько насъ ³? прибавилъ онъ.—Какъ не видѣть?—Такъ вамъ, говорить, надобно или быть посильнѣе этого общества, или остаться здѣсь.—Но есть еще одно, возразилъ я: убѣдить васъ, что должно дать намъ отпускъ.—А развѣ возможно убѣдить тѣхъ, которые не слушаютъ? подхватилъ онъ.—Совершенно невозможно, отвѣчалъ Главконъ.—Будьте же увѣрены, сказалъ онъ, что мы слушать васъ не станемъ.—Ужели вы не знаете, примолвилъ Адимантъ, что вечеромъ, въ честь божества, будетъ бѣгъ съ

¹ Кефалъ—риторъ, родомъ Сирагузянинъ, или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Туріецъ, переселившійся въ Аѣины, по убѣжденію Перикла, и пользовавшійся его гостепріимствомъ. У Кефала были сыновья: Полемархъ, Эвтидемъ, Врахить и знаменитый ораторъ Лизіасъ. *Dionys. Halicarn. et Plutarch. in vita Lysiae*. Полемарху, о которомъ здѣсь говорится, поставленные Лакедемонянами тридцать тиранновъ присудили выпить ядъ. *Muretus. Conf. Taylor. Vita Lys. T. VI p. 103 sqq.*

² Никиратъ былъ отецъ извѣстнаго греческаго полководца Никіаса, командовавшаго аѣинскимъ войскомъ во время пелопонезской войны. *Thucyd. и Plutarch.* Отъ этого Никирата надобно отличать сына Никіасова, который былъ тоже Никиратъ. О немъ упоминается въ Лакесѣ, какъ о мальчикѣ, требующемъ еще воспитанія; а здѣсь, въ Государствѣ, является онъ уже совершеннолѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Этимъ соображеніемъ можно доказывать, что Государство написано Платономъ много позднѣе чѣмъ Лакесъ.

³ 'Ορᾶς οὖν ὅσοι ἐσμέν;—шутливая угроза. Подобныя выраженія угрозы см. *Phileb. p. 16 A. ἄρα ὡ Σόκράτης, οὐχ ὁρᾶς ἡμῶν τὸ πλῆθος, ὅτι νεοὶ πάντες ἐσμέν, καὶ οὐ φοβεί...* *Phaedr. p. 236 C. Horat. Satyr. 1, 4 extr. Cui si concedere nolis, multa — veniat manus, auxilio quae sit mihi; nam multo plures sumus.*

факелами ¹ на коняхъ?—На коняхъ? воскликнулъ я; да это новость: то-есть, обгоняя другъ друга на коняхъ, будутъ передавать ² одинъ другому факелы? Или какъ ты говоришь?—Именно такъ, отвѣчалъ Полемархъ; и сверхъ того устроить ночныя увеселенія, которыя стоитъ посмотреть. Послѣ ужина мы увидимъ ихъ и, встрѣтивъ тамъ много молодыхъ людей, будемъ разговаривать съ ними. Оставайтесь-ка, не упрямитесь.—Да, приходится остаться, сказалъ Главконъ.—Если угодно, пусть такъ и будетъ, примолвилъ я.—Итакъ В. мы пошли въ домъ къ Полемарху и встрѣтили тамъ Полемарховыхъ братьевъ—Лизіаса и Эвтидема, вмѣстѣ съ Халкидонцемъ Тразимахомъ ³, Пеанцемъ Хармантидомъ и Кли-

---

¹ Объ этомъ религіозномъ бѣгѣ съ факелами рассказываютъ такъ: у Аѳинянъ былъ родъ состязанія, называемый *λαμπαδουχία* и *λαμπαδοδρομία*. Зажигали факелы огнемъ съ жертвенника и, держа ихъ въ рукахъ, бѣжали, сколько могли, долѣе и быстрѣе. Тѣ, у кого факелы погасали, или которые отставали отъ бѣгущихъ и до опредѣленнаго мѣста достигали позднѣе, почитались побѣжденными. См. *Pausan. in Atticis* (с. 30 § 2). Такое состязаніе обыкновенно происходило въ праздникъ Прометея, который схватилъ огонь пукомъ деревянныхъ прутьевъ, чтобы онъ не погасъ, и перенесъ его съ неба на землю. Подобный бѣгъ съ огнемъ бывалъ и въ праздникъ Вулкана, такъ какъ его признавали богомъ огня. То же совершалось и въ праздникъ Минервы, которой приписывали попеченіе о наукахъ и искусствахъ, имѣющихъ нужду въ огнѣ. Но почему этотъ обычай перенесенъ былъ и на праздникъ Діаны? не потому ли, что Діана у Грековъ была одно съ Селиною (луною), которая ночью свѣтитъ будто лампада, отчего и называли ее *νοκτιλλυμπί*, или, какъ у Горация, *noctiluca*? И почему опять въ праздникъ Діаны совершаемъ былъ этотъ бѣгъ на коняхъ? Не потому ли, что Діану Греки представляли везомою по небу конями? *Ovidius. Altaque volantes Luna vehabat equos. Propertius. Quamvis labentes premeret mihi somnus ocellos, et mediis caelo Luna ruberet equis.*

² Бѣгущие, пробѣжавъ поприще, передавали свои факелы, по порядку, другимъ. Отсюда—та прекрасная мысль *Платона*, *Legg. VI* р. 776 В: «раждающіе и воспитывающіе дѣтей передаютъ имъ послѣдовательно жизнь, будто факелы. *Луcretій Lib. II, v. 78*, выразилъ ее такъ: *Inque brevi spatio mutantur saecula animantum, et quasi cursores vitae lampada tradunt.*

³ Софистъ Тразимахъ былъ родомъ изъ вѣнискскаго города Халкидона и, по словамъ *Цицерона* (*Orat. 52*), первый изобрѣлъ правильный складъ рѣчи прозаической (*numerus oratorium*); потому что обладалъ удивительнымъ даромъ слова (*Phaedr. p. 267 T*). Такъ какъ его краснорѣчіе не могло не нравиться юношамъ; то упоминаемые здѣсь Хармантидъ и Клитофонъ, вѣроятно, были его ученики.

тофономъ Аристониимовымъ. Тутъ же былъ и отецъ Поле-
 с. марха — Кефаль. Онъ показался мнѣ очень устарѣвшимъ;
 ибо прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ
 его. Старикъ сидѣлъ увѣнчанный, на мягкомъ, покрытомъ
 подушкой стулѣ ¹, потому что приносилъ жертву на до-
 машнемъ жертвенникѣ. Мы усѣлись подлѣ него, такъ какъ
 здѣсь вокругъ стояли стулья. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ
 сдѣлалъ мнѣ привѣтствіе и сказалъ: Сократъ! ты нынѣ рѣд-
 ко жалуешь къ намъ въ Пирей; а надобно. Еслибы я имѣлъ
 довольно силы легко ходить въ городъ, то тебѣ хоть бы
 D. и не бывать здѣсь; тогда мы сами посѣщали бы тебя. А
 теперь ты долженъ приходить къ намъ чаще; ибо знай,
 что чѣмъ болѣе чуждыми становятся для меня удовольствія
 тѣлесныя, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ во мнѣ желаніе и удо-
 вольствіе бесѣдовать. Итакъ не отказывайся, но и зани-
 майся-таки съ этими молодыми людьми, да не забывай на-
 E. вѣщать и насъ, какъ друзей и короткихъ знакомыхъ.—
 Какже; мнѣ пріятно, Кефаль, бесѣдовать съ глубокими
 старцами, сказалъ я: они уже прошли тотъ путь, которымъ
 идти, можетъ быть, понадобится и намъ; а потому у нихъ-
 то, думаю, должно спрашивать, каковъ онъ,—ухабисть и
 трудень, или легокъ и ровень. Особенно тебѣ я охотно вѣ-
 рилъ бы въ этомъ отношеніи; потому что ты уже въ томъ
 возрастѣ, который поэты называютъ порогомъ старости. Что
 же, трудна эта часть жизни? какъ ты скажешь?—Я скажу
 329. тебѣ, Сократъ, ради Зевса, именно то, что мнѣ кажется, от-
 вѣчалъ онъ. Нѣсколько насъ человекъ, почти равныхъ лѣтъ,
 часто сходимся въ какое-нибудь одно мѣсто, оправдывая ста-
 ринную пословицу ². Въ нашихъ собраніяхъ многіе оплаки-

¹ Совершавшіе жертвоприношеніе обыкновенно возлагали на себя вѣнокъ. Жертвенники устроились на открытомъ воздухѣ, среди двора, или внутри до-
 машнихъ зданій, и имѣлись въ каждомъ домѣ. *Xenoph. Mem. I, 1. Aristoph.*
Pas. v. 941. Virgil. Aeneid. II, v. 512.

² Разумѣется, вѣроятно, самая употребительная у Грековъ пословица:
ἤλιξ ἤλικα τέρπε, γέρον δέ τε τέρπε γέροντα. Apostolius Adagg. IX, 78. Erasm.
Adagg. 1. 2, 20.

вають вождельнныя для нихъ удовольствія юности, воспоминаія о любовныхъ связяхъ, попойкахъ, пирушкахъ и другихъ забавахъ того же рода, и обнаруживаютъ брюзгливость, какъ будто лишились чего-то великаго, какъ будто въ тѣ времена они жили прекрасно, а теперь вовсе не живутъ. А иные оскорбляются и тѣмъ, что ихъ старость В. подвержена насмѣшкамъ со стороны ближнихъ; а потому о ней, какъ о виновницѣ всѣхъ своихъ золъ, они поютъ ту же жалобную пѣсню. Но по моему, Сократъ, такъ они не попадаютъ на причину. Еслибы причиною дѣйствительно была старость, то и я терпѣлъ бы отъ ней то же самое, что всѣ прочіе, достигшіе того же возраста. Напротивъ, мнѣ уже случалось встрѣчаться и съ другими—не такими стариками, и съ Софокломъ. Разъ кто-то спросилъ поэта Софокла: каковъ ты теперь, Софоклъ, въ отношеніи къ удовольствіямъ люб- С. ви? можешь ли еще имѣть связь съ женщиною?—А онъ отвѣчалъ: говори лучше, добрый человѣкъ; я ушелъ отъ этого, съ величайшею радостію, какъ бѣгаютъ отъ бѣшенаго и жестокаго господина.—Такой отвѣтъ мнѣ и тогда казался хорошимъ, и теперь не менѣе нравится. Въ самомъ дѣлѣ, старость, въ отношеніи къ подобнымъ вещамъ, есть время совершеннаго мира и свободы. Когда страсти перестаютъ раздражаться и ослабѣваютъ; тогда является именно состояніе Софокла, — состояніе освобожденія отъ многихъ и не- D. истовыхъ господъ. Причина и этого, Сократъ, и домашнихъ непріятностей—одна: не старость, а человѣческій нравъ. Если старики доблественны, и нрава легкаго; то старость для нихъ удобопереносима: а когда нѣтъ,—и старость и молодость, Сократъ, равно несносны имъ.—Восхитившись его словами и желая возбудить его къ дальнѣйшему разговору, я сказалъ: мнѣ кажется, Кефаль, что люди не примутъ такихъ твоихъ разсужденій: они подумаютъ, что ты легко перене- E. сишь старость не отъ своего нрава, а потому, что владѣешь великимъ богатствомъ; говорятъ же, что у богатыхъ много утѣхъ.—Ты правъ, примолвилъ онъ;—точно, не примутъ, и

- однакожь, думая такъ, ошибаются. Мнѣ нравится отвѣтъ Эемистокла одному Серифиянину ¹, который порицалъ его, говоря, что онъ обязанъ славою не самому себѣ, а своему отечеству. «Я не прославился бы, отвѣчалъ онъ, бывъ Серифияниномъ, а ты,—бывъ Аеиняниномъ». Эта самая рѣчь идетъ и къ тѣмъ небогатымъ людямъ, которые съ трудомъ переносятъ свою старость: т. е. и для человѣка добронравнаго нелегка можетъ быть старость, сопровождаемая бѣдностію; и человѣку недобронравному трудно бываетъ владѣть собою, не смотря на богатство.—Но большая часть того, чѣмъ ты владѣешь, Кефаль, досталась ли тебѣ по наслѣдству, спросилъ я,
- В. или приобрѣтена самимъ тобою?—Гдѣ мнѣ было приобрѣсть, Сократъ! отвѣчалъ онъ. Цѣлою половиною своего состоянія я обязанъ дѣду и отцу. Дѣдъ, соименникъ ² мой, наслѣдовалъ почти такое же богатство, какое теперь у меня, да еще самъ увеличилъ его; а Лизаніасъ, мой отецъ, уменьшилъ его даже въ сравненіи съ теперешнимъ моимъ. Что же касается до меня, то я хотѣлъ бы передать его этимъ дѣтямъ не уменьшеннымъ, но хоть немного увеличеннымъ противъ того, которое я получилъ. — Я спросилъ тебя объ этомъ потому, сказалъ я, что не замѣчалъ въ тебѣ болышой привязанности къ деньгамъ; а привязанности къ нимъ не имѣютъ тѣ, которые не сами нажили ихъ. Напротивъ, кто самъ наживалъ деньги, тотъ любитъ ихъ вдвое болѣе, чѣмъ другіе. Какъ поэты любятъ свои стихотворенія, а отцы—своихъ дѣтей: такъ разбогатѣвшіе любятъ деньги, собственное стяжаніе,—любятъ, не по мѣрѣ ихъ полезности, подобно другимъ. Оттого-то обращеніе ихъ и тяжело;

¹ Серифъ—одинъ изъ цикладскихъ острововъ, до того малый и каменистый, что вошелъ въ пословицу. См. *Strab.* X p. 746 B. ed. Almel.

² У Грековъ былъ, какъ и у насъ теперь есть, — обычай давать одному изъ сыновей имя его дѣда, чтобы тѣмъ увѣковѣчить его память и выразить ему почтеніе. Такъ у Никиаса, сына Никиратова, былъ сынъ Никиратъ; Лизисъ, сынъ Димократа, былъ внукъ Лизиса; Аристотель, сынъ Никомаха, назвалъ своего сына тоже Никомахомъ. У Римлянъ же старшему сыну тотчасъ даваемо было прозваніе отца. *Muretus.*

оттого-то они и ничего не хвалятъ, кромѣ богатства. — Ты правду говоришь, отвѣчалъ онъ. — Безъ сомнѣнія, при- D. молвилъ я; но скажи мнѣ еще вотъ что: какимъ самымъ великимъ благомъ думаешь ты насладиться, стяжавъ большое богатство? — О, мой отвѣтъ на это покажется убѣдительнымъ, вѣроятно, не для многихъ, сказалъ онъ. Знай, Сократъ, что кто близокъ къ мысли о смерти; у того рождается боязнь и забота о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде онъ и не думалъ. Рассказываемые мнѣ о преисподней, что порочные должны тамъ получить наказаніе, до того E. времени бывають имъ осмѣиваемы; а тутъ въ его душу вселяется мучительное недоумѣніе, — что если они справедливы. Отъ слабости ли, свойственной старику, или уже отъ близости къ той жизни, онъ какъ-то болѣе прозираетъ въ загробное. Полный сомнѣнія и страха, онъ начинаетъ размышлять и разсматривать, не обидѣлъ ли кого какъ-нибудь. Находя въ своей жизни много несправедливостей и, подобно дѣтямъ, нечаянно пробужденный отъ сна, онъ трепещетъ и живетъ съ горькими ожиданіями. А кто не сознаетъ 331. въ себѣ ничего несправедливаго; тому всегда сопутствуетъ пріятная надежда, добрая питательница старости, какъ говоритъ Пиндаръ ¹. Ужъ куда мило, Сократъ, изображаетъ онъ человѣка, проводящаго свою жизнь праведно и свято.

Сладкую сердце его лелѣетъ надежду;

Питаетъ старость и ей сопутствуетъ въ жизни —

Эта надежда — правитель умами людскими,

Хитро которые, такъ изворотливо мыслить.

Да, онъ говоритъ удивительно какъ сильно. Потому-то я и полагаю, что пріобрѣтеніе денегъ весьма важно не для каждаго человѣка, а только для добронравнаго. Деньги со- B. дѣйствуютъ большею частію къ тому, чтобы не обманывать и не лгать не-хотя, и выйти отсюда не боясь, что или богу не принесены извѣстныя жертвы, или людямъ не заплаче-

¹ Приведенные стихи Пиндара находятся въ Том. III, 1. p. 80 sqq. ed. Neun. и *Voeseh. fragm. Pind. CCXLIII. Snec. Том. II P. 11. p. 682.*

- но жалованье. Онъ доставляютъ много и иныхъ выгодъ. Для человѣка съ умомъ, по моему мнѣнью, одно, конечно, лучше другаго; однакожь и богатство, Сократъ, все-таки весьма полезно.—Ты прекрасно рассуждаешь, Кефалъ, сказалъ я. Но эту самую справедливость назовемъ ли мы просто истиною, и отдаваніемъ того, что получено отъ другаго, или подобные поступки иногда бываютъ справедливы, а иногда нѣтъ? Какъ бы такъ сказать: всякій вѣдь согласится, что кто взялъ оружіе у своего друга, обладающаго здравымъ умомъ, тотъ не долженъ отдавать его этому другу, сошедшему съ ума, когда онъ того требуетъ, — и отдавшій былъ бы неправъ даже и въ томъ случаѣ, когда высказалъ бы ему всю истину.—Твоя правда, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно не это опредѣленіе справедливости, что она есть высказываніе истины и отдаваніе взятаго.—Нѣтъ, именно это, Сократъ, подхватилъ Полемархъ, если только вѣрить Симониду.—Ну такъ предоставляю вамъ продолжать разговоръ, сказалъ Кефалъ; а мнѣ уже пора заняться жертвоприношеніемъ.—Значить, твоимъ наслѣдникомъ ¹ будетъ Полемархъ? примолвилъ я.—Конечно, сказалъ онъ, усмѣхнувшись, и тотчасъ пошелъ къ жертвеннику ².
- Е. Скажи же ты мнѣ, наслѣдникъ бесѣды, продолжалъ я,

---

¹ Сократъ не говоритъ: *ὁ Πολέμαρχος τῶν γε πάντων λόγων διάδοχος ἔστι*, какъ бы слѣдовало сказать, но — *τῶν γε πάντων* (какъ бы *χηρμάτων*) *κληρονόμος*; и такимъ образомъ этимъ двузnamenательнымъ выраженіемъ соединяетъ предъидущую рѣчь о наслѣдствѣ мнѣнія съ понятіемъ о преемствѣ бесѣды. Отсюда видно, почему Кефалъ, отвѣчая на это, усмѣхнулся.

² Кефалъ выше сказалъ, что кто всегда жилъ праведно, тотъ въ своей душѣ можетъ быть покоенъ; а праведность выражается двумя формами жизни: высказываніемъ правды и отдаваніемъ всякому того, что кому слѣдуетъ. Этими чертами опредѣляется теперь справедливость и дѣлается предметомъ изслѣдованія. Сократъ противъ такого опредѣленія справедливости представляетъ возраженіе въ формѣ примѣра; но Полемархъ, основываясь на авторитетѣ Симонида, хочетъ защищать его. Тутъ Кефалъ, видя, что завязывается діалектическая борьба, передаетъ свою роль Полемарху и уходитъ. Эта передача роли заключаетъ въ себѣ мысль глубокую: старецъ, долговременными опытами жизни дознавшій слабость естественныхъ силъ человѣка, перестаетъ слишкомъ много довѣрять своему уму и болѣе успокоивается

какое мнѣніе Симонида о справедливости, по твоему, правильно.—То, отвѣчалъ Полемархъ, что справедливость состоитъ въ воздаяніи всѣмъ должнаго. Говоря такъ, онъ, мнѣ кажется, говоритъ хорошо.—Разумѣется, примолвилъ я; Симониду-то, нелегко не вѣрить: вѣдь это человѣкъ мудрый и божественный. Однакожъ ты, Полемархъ, можешь быть, и знаешь, чтò говоритъ онъ; а я не знаю: ужъ вѣрно не то, о чемъ мы сейчасъ разсуждали, — чтобы, то-есть, залогъ, каковъ бы онъ ни былъ, отдавать требующему не въ здоровомъ умѣ, хотя залогомъ-то въ самомъ дѣлѣ налагается долгъ. Не такъ ли?—Такъ.—Вѣдь залога никакъ не слѣдуетъ отдавать, если требуетъ его человѣкъ не въ здоровомъ умѣ?—Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Стало быть, Симонидъ разумѣетъ что-то другое, когда говоритъ, что справедливость состоитъ въ воздаяніи должнаго.—Да, другое, клянусь Зевсомъ: у него — та мысль, что долгъ друзей дѣлать друзьямъ что-нибудь доброе, а зла не дѣлать.—Понимаю, сказалъ я: тотъ отдаетъ не должное, кто возвращаетъ ввѣренныя себѣ деньги, когда и принятіе и возвращеніе ихъ бываетъ вредно; друзьями же называются тѣ, изъ которыхъ одинъ принимаетъ, а другой отдаетъ. Не эту ли мысль приписываешь ты Симониду?—Конечно эту.—Что жъ? а врагамъ надобно ли воздавать то, чѣмъ мы при случаѣ бываемъ имъ должны?—Да, непременно — то, чѣмъ должны, отвѣчалъ онъ; а долгъ врага, въ отношеніи къ врагу, состоитъ, думаю, въ воздаяніи того, что прилично, то-есть въ воздаяніи зла.—Поэтому Симонидъ, ска-

---

на основаніяхъ божественныхъ; а молодость все еще ласкаетъ себя надеждою найти истину собственными средствами, и настойчиво философствуетъ, пока самая философія не приведетъ ее къ сознанию необходимости въ средствахъ богословскихъ. Поэтому *Цицеронъ* (*Epist. ad Attic. IV, 16*) хорошо замѣчаетъ: *Quum in Piraeum Socrates venisset ad Cephalum, locupletem et festivum senem, quoad primus ille sermo haberetur, adest in disputando senex; deinde quum ipse quoque commodissime loquutus est, ad rem divinam dicit se velle discedere, neque postea revertitur. Credo Platonem vix putasse satis consonum fore, si hominem id aetatis in tam longo sermone diutius retinisset.*

- С. залъ я, какъ поэтъ, изобразилъ значеніе справедливости, должно быть, гадательно, то-есть мыслилъ, кажется, такъ, что справедливость состоитъ въ воздаяніи каждому, что прилично, и это назвалъ долгомъ ¹.—А ты какъ же думаешь, спросилъ онъ?—Ради Зевса, отвѣчалъ я; да еслибы кто-нибудь предложилъ ему вопросъ: Симонидъ! чему и что должное, или приличное, воздаеть искусство врачебное? Какой, думаешь, далъ бы онъ намъ отвѣтъ?—Очевидно, сказалъ бы, D. что оно доставляетъ тѣламъ лѣкарства, пищу и питье.—А чему и что должное, или приличное, воздаеть искусство поварское?—Оно сообщаетъ кушаньямъ вкусность.—Пусть; но кому и что можетъ воздавать искусство справедливости?—Если надобно сообразоваться съ прежними отвѣтами, Сократъ, сказалъ онъ; то это искусство друзьямъ оказываетъ пользу, а врагамъ наноситъ вредъ.—Поэтому справедливость онъ поставлялъ бы въ дѣланіи добра друзьямъ и зла врагамъ?—Мнѣ кажется.—Но кто особенно способенъ дѣлать добро страждущимъ друзьямъ и зло врагамъ, въ отношеніи къ болѣзни и E. здоровью?—Врачъ.—А кто—плователямъ, въ отношеніи къ опасностямъ морскаго путешествія?—Кормчій.—Что же справедливый? какою дѣятельностію и въ какомъ отношеніи можетъ онъ быть полезенъ для друзей и вреденъ для враговъ?—Мнѣ кажется, нападеніемъ и защитою въ сраженіи ².—Пусть; однакожь людямъ, не страдающимъ болѣзнію, любезный Полемархъ, врачъ вѣдь не полезенъ.—Правда.—А не плавающимъ не полезенъ кормчій.—Да.—Стало быть, не сра-

¹ Въ правилѣ Симонида: τὰ δεξιόβρενα δίκαιον εἶναι ἀποδιδόναι, Сократъ слову δεξιόβρενον даетъ значеніе τοῦ προσήκουτος; какбы, то-есть, должное Симонидъ разумѣлъ въ смыслѣ приличнаго, или того, что слѣдуетъ, и подъ условіемъ такого истолкованія, принимаетъ это правило за предметъ изслѣдованія.

² *Нападеніемъ и защитою*: перевожу такъ потому, что читаю: *προπολεμεῖν καὶ ἔυρμαχεῖν*, вмѣсто: *προσπολεμεῖν*; и это чтеніе, vulgariter usurpata, мнѣ кажется вѣрнѣе; такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь не о вспомошествованіи только друзьямъ, но и о борьбѣ съ врагами. Тому же чтенію, не смотря на авторитетъ парижскихъ и флорентійскихъ кодексовъ, слѣдуетъ и Беккеръ.

жающимся не полезенъ справедливый?—Нѣтъ, этого я не думаю.—Значить, справедливость полезна и во время мира?—Полезна.—Равно и земледѣліе. Не такъ ли?—Да.—Для собиранія плодовъ?—Да.—И сапожническое мастерство?—Да.— 333.

Скажешь, думаю, для приготовленія обуви?—Конечно.—Ну что жъ? а справедливость во время мира для какой нужды или пріобрѣтенія считаешь полезною?—Для сдѣлокъ, Сократъ.—Сдѣлками ты называешь сношенія, или что другое?—Разумѣется, сношенія.—Но съ кѣмъ лучше и полезнѣе сноситься, когда хочешь разстановить шашки ¹,—съ человѣкомъ справедливымъ, или съ игрокомъ?—Съ игрокомъ.—А прикладкѣ плитъ и камней, неужели лучше и полезнѣе обратиться къ человѣку справедливому, чѣмъ къ домостроителю?—Отнюдь нѣтъ.—Въ какихъ же сношеніяхъ справедливый будетъ, напримѣръ, лучше цитриста, какъ цитристъ бываетъ лучше справедливаго въ игрѣ на цитрѣ?—Мнѣ кажется, въ денежныхъ.—Можетъ быть, кромѣ употребленія денегъ, Полемархъ; потому что, когда надобно за деньги съобща купить или продать лошадь,—полезнѣе, думаю, снести съ Сконюхомъ. Не такъ ли?—Видимо.—А когда корабль,—съ кораблестроителемъ, или кормчимъ.—Естественно.—Въ какомъ же случаѣ, для употребленія золота или серебра съобща, полезнѣе другихъ человѣкъ справедливый?—Въ томъ, Сократъ, когда бываетъ нужно ввѣрить деньги и сберечь ихъ.—То-есть, когда надобно не употребить, а положить ихъ, гсворишь ты?—Конечно.—Значить, справедливость, въ отношеніи къ деньгамъ, тогда бываетъ полезна, когда деньги безполезны?—Должно быть.—Подобнымъ образомъ, для храненія садоваго рѣзца въ общественномъ и домашнемъ быту, полезна справедливость; а для употребленія его, нужно иску-

¹ Были у Грековъ двѣ игры, которыя часто смѣшиваются между собою и принимаются одна за другую: это — *πεσσοί* или *πεττοί* и *ἀστράγαλοι*. Первая по-латини *calculi*, а послѣдняя — *tali*; въ той—марки располагаемы были такъ, чтобы въ извѣстной группѣ было больше очковъ, а въ послѣдней ихъ, для той же цѣли, не располагали, а бросали. *Polluc. lib. IX. Muretus.*

ство садовника?—Очевидно.—И чтобы сохранить щитъ и лиру безъ употребленія, скажешь, полезна справедливость; а когда нужно употребить ихъ,—требуются искусства оружейное и музыкальное? — Необходимо. — Такъ и во всемъ другомъ, справедливость при полезности бесполезна, а при бесполезности полезна?—Должно быть.—Не слишкомъ же важное у тебя дѣло справедливость, другъ мой, если она полезна для бесполезнаго. Разсмотримъ-ка слѣдующее: Не правда ли, что человѣкъ въ сраженіи, въ кулачномъ бою, или въ какомъ-нибудь другомъ случаѣ, умѣющій ударить, умѣеть и поберечься?—Конечно.—И умѣющій сохранить себя отъ болѣз-

334. ни, не подвергаясь ей, умѣеть и сообщать ее?—Я думаю.—А оберегатель-то лагеря—не тотъ ли хорошъ, который знаетъ также, какъ похитить замыслы и дѣйствія непріятелей? — Конечно.—Значить, кто—отличный чего-нибудь сторожъ, тотъ и отличный воръ той же вещи.—Естественно.—Итакъ, если человѣкъ справедливый умѣеть сохранять деньги, то умѣеть и похищать ихъ.—Ходъ рѣчи дѣйствительно требуетъ такого заключенія, сказалъ онъ.—Слѣдственно человѣкъ справедливый, повидимому, есть воръ, и этому ты научился, кажется, у Омира, который, превознося похвалами

В. Одиссеева дѣда по матери, Автолика, заключаетъ, что онъ, болѣе всѣхъ людей, отличался воровствомъ и обманомъ. Такъ выходитъ, что справедливость, и по твоему, и по Омирову, и по Симонову мнѣнію, есть искусство воровать,—въ пользу то-есть друзьямъ и во вредъ врагамъ ¹. Не такъ ли ты говорил?—О нѣтъ, ради Зевса; я и самъ не знаю, чтò говорилъ. Впрочемъ мнѣ все еще представляется, что справедливость велитъ приносить пользу друзьямъ и вре-

¹ Неясное положеніе Полемарха, что справедливость состоитъ въ сбереженіи денегъ, опровергается чрезъ употребленіе словъ *φυλάσσειν* и *κλέπτειν* въ различныхъ значеніяхъ. Если справедливъ — тотъ, кто способенъ беречь (*φυλάσσειν*) золото и серебро; то способный беречься (*φυλάσσειν*) умѣеть вмѣстѣ дѣлать зло другимъ и выкрасть намѣренія враговъ; а отсюда слѣдуетъ, что справедливость есть *воровство*, посредствомъ котораго можно благодѣтельствовать друзьямъ и вредить врагамъ.

дить врагамъ. — Но друзьями тѣхъ ли называешь ты, которые всякому только кажутся добросердечными, или тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ добросердечны, хотя бы и не казались? Такой же вопросъ и о врагахъ. — Естественно любить тѣхъ, отвѣчалъ онъ, которыхъ почитаютъ добросердечными, и ненавидѣть тѣхъ, которыхъ признаютъ лукавыми. — Да не обманываются ли люди въ этомъ отношеніи? то-есть, не кажутся ли имъ добросердечными многіе недобросердечные, и наоборотъ? — Обманываются. — Значить, для такихъ людей добрые — враги, а злые — друзья. — Конечно. — И въ этомъ случаѣ справедливость все-таки требуетъ, чтобы они приносили пользу злымъ и вредили добрымъ? — Явно. — Между тѣмъ добрые-то справедливы и несправедливыми быть не могутъ. — Правда. — Такъ, по твоимъ словамъ, справедливо дѣлать зло и недѣлающимъ несправедливости. — О нѣтъ, Сократъ, отвѣчалъ онъ; такая мысль преступна. — Стало быть, справедливо вредить несправедливымъ, и приносить пользу справедливымъ, сказалъ я. — Поступающій такъ, кажется, лучше того. — Но такъ-то, Полемархъ, многимъ, ошибающимся въ людяхъ, случится признавать за справедливое — вредить друзьямъ, потому что они кажутся имъ злыми, — и приносить пользу врагамъ, потому что они, по ихъ мнѣнію, добры. А тогда вѣдь мы будемъ утверждать противное тому, что приписали Симиону. — И часто случается, отвѣчалъ онъ; но давай поправимся: мы, должно быть, неправильно опредѣлили значеніе друга и врага. — А какъ опредѣлили, Полемархъ? — Сказали, что другъ — тотъ, кто кажется добросердечнымъ. — Какимъ же образомъ поправиться? спросилъ я. — Другъ и кажется добросердечнымъ, и дѣйствительно таковъ, отвѣчалъ онъ: а кто только кажется добросердечнымъ, въ самомъ же дѣлѣ не таковъ; тотъ, хотъ и кажется, а не другъ. Подобное же опредѣленіе и врага. — Изъ твоихъ словъ видно, что другъ будетъ добръ, а врагъ — золь. — Да. — Но справедливому-то прикажешь приписать иное, или то, что приписа-

- но прежде, то-есть, справедливость требует другу дѣлать добро, а врагу зло? Не прибавить ли къ этому вотъ чего: справедливость требует—другу, такъ какъ онъ добръ, дѣлать добро, а врагу, такъ какъ онъ золь, вредить?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ; это, мнѣ кажется, хорошо сказано.—
- В.** Однакожъ къ человѣку справедливому идетъ ли наносить вредъ кому бы то ни было изъ людей? спросилъ я.—Ужъ конечно, сказалъ онъ, людямъ лукавымъ-то и враждебнымъ надобно вредить.—А что, лошади, когда имъ вредятъ, лучше ли становятся, или хуже?—Хуже.—По качествамъ собакъ, или лошадей?—По качествамъ лошадей.—Стало быть, и собаки, когда имъ вредятъ, становятся хуже по качествамъ не лошадей, а собакъ?—Необходимо.—Ну, а когда вредятъ людямъ, другъ мой,—не скажемъ ли мы также, что они становятся хуже по качествамъ человѣческимъ?—Конечно скажемъ.—Но справедливость—не человѣческая ли добродѣтель?—И это необходимо.—Значить, люди, когда имъ вредятъ, по необходимости становятся несправедливѣе, другъ мой.—Вѣроятно.—Но могутъ ли музыканты, посредствомъ музыки, образовать не-музыкантовъ?—Невозможно.—Или конюшіе, посредствомъ науки коннозаводства,—не конюшихъ?—Нельзя.—А справедливые, посредствомъ справедливости,—
- Д.** несправедливыхъ? Или вообще, добрые, посредствомъ добродѣтели,—злыхъ?—Никакъ невозможно.—Вѣдь не теплотѣ, думаю, свойственно прохлаждать, а противному.—Да.—И не сухости—увлажнять, а противному.—Конечно.—И не добродушію вредить, а противному.—Кажется.—Но справедливые вѣрно добры?—Конечно.—Слѣдовательно не тотъ будетъ вредить, Полемархъ, кто справедливъ,—другу ли то, или кому иному, а тотъ, кто противенъ ему, то-есть несправедливъ.—
- Е.** Ты, Сократъ, говоришь совершенную правду, сказалъ онъ.—Поэтому, кто справедливое поставляетъ въ воздаяніи каждому должнаго и разумѣетъ это такъ, что человѣкъ справедливый врагамъ обязанъ вредить, а друзьямъ приносить пользу; тотъ, говоря подобныя вещи, не мудрецъ, потому

что говорить неправду, такъ какъ мы нашли, что вредить, кому бы то ни было, есть дѣло вовсе несправедливое.—Согласенъ, сказалъ онъ.—Будемъ же спорить съобща и заодно, примолвилъ я, если кто вздумаетъ навязывать это Симониду, Віасу, Питтаку, или кому другому изъ мужей мудрыхъ и славныхъ.—Я въ самомъ дѣлѣ готовъ принять участіе въ спорѣ, сказалъ онъ.—А знаешь ли, спросилъ я, чье, кажется мнѣ, то положеніе, что справедливость велитъ приносить пользу друзьямъ и вредить врагамъ? — Чье? сказалъ онъ. — Думаю, оно принадлежитъ либо Періандру, либо Пердиккѣ, либо Ксерксу, либо ѳивскому Исминіасу ¹, либо кому другому изъ тѣхъ людей, которые слишкомъ полагаются на свою силу и обладаютъ богатствомъ. — Совершенная правда, замѣтилъ онъ.—Положимъ, сказалъ я. Но если не въ этомъ состоитъ справедливость и не это—справедливое; то чѣмъ же инымъ можно бы признать его? 336.

Среди нашего разговора Тразимахъ неоднократно порывался прервать рѣчь, но все былъ удерживаемъ другими, тутъ сидѣвшими, которымъ хотѣлось выслушать бесѣду до

---

¹ Періандръ, коринѣскій тираннъ, причисляется Платономъ не къ семи мудрецамъ, а къ гордымъ тираннамъ; потому что въ извѣстномъ мѣстѣ своего Протагора (р. 343 В), перечисливъ прочихъ шесть мудрецовъ, седьмымъ, вмѣсто Періандра, почитаетъ онъ Мизона хенейскаго. Да и Геродотъ рассказываетъ, что Періандръ сперва былъ кротокъ, но потомъ, поддавшись внушеніямъ милетскаго тиранна Тразибула, сдѣлался жестокимъ и кровожаднымъ. См. lib. V, с. 92; см. III, с. 48 sqq. О Пердиккѣ, царѣ македонскомъ, отцѣ тиранна Архелая, упоминается въ Gorg. р. 470 D. Исминіасъ ѳивянинъ, о которомъ (Menon. р. 90 А) говорится: νεωστὶ εὐληθέιναι τὰ Πολυκράτους χρήματα, былъ чловѣкъ въ своей республикѣ могущественный, но вмѣстѣ и вѣроломный. По разсказу *Ксенофонта* (Hist. Gr. III, 5. 1), онъ находился въ числѣ тѣхъ, которые, во время успѣховъ Агезилая въ Азій, позволили себя подкупить за пять талантовъ, чтобы раздуть въ Греціи вражду и ненависть противъ Лакедемонянъ. Это произошло въ 1 или 2 году 96 олимп. Потомъ, когда Лакедемоняне овладѣли Кадмеєю, т. е. 3, 99 олимп., Исминіасъ, какъ вождь противной имъ партіи, осужденъ былъ на смерть. *Xenoph.* Hist. Gr. V, 2, 25. 26. См. *Plut.* Artaxerx. р. 1021 D. *Lysandr.* р. 418 E. *Pausan.* III, 9, de Genio Socr. р. 576 A. Если же здѣсь причисляется онъ къ Періандру, Пердиккѣ и Ксерксу—тираннамъ, тогда уже умершимъ; то вѣроятно, что, когда это было писано, и его не было уже на свѣтѣ. Слѣдовательно можно полагать, что Платонъ написалъ свое Государство послѣ 3,99 олимп.

- конца. Когда же мы остановились и я предложил этот вопрос, — онъ уже не удержался, но, наѣжившись подобно звѣрю, подбѣжалъ къ намъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобъ изорвать насъ. Я и Полемархъ испугались; а онъ, крича на срединѣ комнаты, сказалъ: Какая болтовня давно уже обуяла вами, Сократъ! Какими глупостями мѣняетесь вы, уступая другъ другу! Если ужъ въ самомъ дѣлѣ ты хочешь узнать, что такое справедливость, то не ограничивайся одними вопросами и не любуйся опроверженіемъ предлагаемыхъ тебѣ отвѣтовъ. Вѣдь извѣстно, что спрашивать легче, нежели отвѣчать. Такъ отвѣчай самъ и скажи, чтѣ ты считаешь справедливымъ. Да не говори мнѣ, что это должное, что это полезное, что это выгодное, что это прибыточное, что это пригодное. Все, что говоришь, говори ясно и точно, а такихъ пустяковъ не принимаю ¹. — Пораженный этими словами, я посмотрѣлъ на него со страхомъ и подумалъ: чтѣ еслибы онъ взглянулъ на меня прежде, чѣмъ я на него? — мнѣ и слова бы не вымолвить ². Но такъ какъ неистовство Тразимаха началось рѣчью; то мой взглядъ на

¹ Въ этомъ монологѣ весьма рельежно обрисовывается личность софиста Тразимаха, какъ τὸ ἄραυ καὶ τὸ ἰταρόν. Еслибы кто и не зналъ, чтѣ это за человѣкъ, то довольно было бы одной настоящей выходки, чтобы понять его. Тразимахъ принадлежалъ къ числу людей, ничего не знающихъ, и считающихъ себя всезнающими; это былъ самый вѣтренный и пустой софистъ. Но какъ живописцы на нѣкоторые мѣста картины набрасываютъ тѣни, чтобы другія выставлялись свѣтлѣе: такъ уступчивая и скромная рѣчь Сократа сообщаетъ чрезвычайную выпуклость заносчивому разглагольствованію Тразимаха. Мудро сказалъ Фукидидъ: ἀμαθία μὲν ἄρατος, φρόνησις δὲ δεικνὸν φέρει. Указывая на этимологическое значеніе имени этого человѣка и принимая въ соображеніе дерзкій его характеръ, и Иродикъ у *Аристотеля* (Rhetor. I. II с. 23) говоритъ ему: Тразимахъ (человѣкъ вздорчивый) всегда Тразимахъ, какъ Кононъ сказалъ Тразибулу, что онъ всегда Тразибулъ (наглый).

² Говоря, что Тразимахъ наѣвился, подобно звѣрю, и подбѣжалъ къ собесѣдникамъ какъ бы съ тѣмъ, чтобъ разорвать ихъ, Сократъ мысленно уподоблялъ его, кажется, волку; ибо у Грековъ было народное повѣрье, что на кого прежде взглянетъ волкъ, тотъ на время нѣмѣетъ; а кто успѣетъ напередъ самъ взглянуть на волка, тотъ не подвергается этой опасности. *Plin.* H. N. VIII, 34. Scholiastes in Theocriti Idyll. XIV, 22: οἱ ἀρδέντες ἄρνω ὑπὸ λόκου δοκοῦσιν ἄρνοι γινέσθαι. *Virgil.* Eclog. IX v. 53, Vox quoque Moerim iam fugit ipsa: lupi Moerim videre priores.

него былъ первый, а потому, имѣя возможность отвѣчать, я сказалъ съ трепетомъ: Не гнѣвайся на насъ, Тразимахъ. Если я и онъ, при изслѣдованіи предмета, въ чемъ-нибудь погрѣшили, то—будь увѣренъ,—погрѣшили противъ воли. Подумай, что, ища золота, мы охотно не уступили бы другъ другу въ исканіи и не мѣшали бы самимъ себѣ найти его: такимъ же образомъ, ища справедливости, которая драгоценнѣе всякаго золота, могли ли мы столь безумно уступать одинъ другому и не стараться открыть ее всѣми силами? Нѣтъ, не мысли этого, другъ мой. Напротивъ, я думаю, что мы не въ состояніи, и потому отъ васъ, людей сильныхъ, заслуживаемъ больше сожалѣнія, чѣмъ гнѣва. 337.

Выслушавъ это, онъ усмѣхнулся слишкомъ принужденно и примолвилъ: Вотъ она и есть, клянусь Иракломъ, обыкновенная Сократова иронія. Я уже напередъ замѣтилъ и этимъ, что ты не захочешь отвѣчать, но будешь притворяться и скорѣе все сдѣлаешь, чѣмъ согласишься давать отвѣты на чьи-нибудь вопросы.—Разумѣется, ты — мудрецъ, Тразимахъ, сказалъ я, слѣдственно знаешь, что если кого спросишь, какъ велико число двѣнадцатъ, и спрашивая, напередъ скажешь: не говори мнѣ, сударь, что двѣнадцатъ равны *В.* дважды-шести, или трижды-четыремъ, или шестью-двумъ, или четырежды-тремъ; иначе твоей болтовни я не приму; то уже для тебя, думаю, понятно, что никто не будетъ въ состояніи отвѣчать на такой вопросъ. А когда бы спросили тебя: что ты это говоришь, Тразимахъ? какъ же не сказать ничего того, что ты напередъ сказалъ? да если это-то справедливо ¹, — неужели надобно говорить отличное отъ справедливаго? или какъ тебѣ кажется?—что отвѣчалъ бы ты на это?—Такъ, сказалъ онъ; это какъ разъ походить на то ².— *С.*

¹ Если это-то справедливо, или — что-нибудь справедливое, *εἰ τοῦτων τι τυγχάνει ὄν.* Здѣсь *ὄν*—то же, что *ὄτως ὄν*, или *ἀλλήθης ὄν.*

² Этотъ отвѣтъ Тразимаха, очевидно, выражаетъ насмѣшку и заключаетъ въ себѣ значеніе противоположное тому, что говорится. Такой смыслъ придаютъ сему выраженію и частицы *ὡς δέ*,—въ греческой фразѣ: *ὡς δὲ βμοιον τοῦτο ἔκείνῳ.*

Какая нужда, примолвилъ я, пусть и не походить; да если спрошенному кажется такъ,—думаешь ли, что онъ будетъ отвѣчать не то, что представляется ему самому, хотя бы мы запрещали, хотя бы нѣтъ?—Не намѣренъ ли и ты такъ же дѣлать? спросилъ онъ; не хочешь ли и ты говорить то, что я запретилъ?—Неудивительно, отвѣчалъ я, если къ этому D. му приведетъ меня изслѣдованіе. — А что, когда я укажу на другой отвѣтъ о справедливости, сказалъ онъ, который отличенъ отъ всѣхъ тѣхъ и лучше ихъ?—какое тогда изволишь избрать себѣ наказаніе ¹?—Какое больше, отвѣчалъ я, кромѣ того, которому долженъ подвергнуться человѣкъ незнающій? Вѣроятно, надобно будетъ поучиться у знающаго;—и на такое наказаніе я охотно соглашусь.—Сладокъ ты, примолвилъ онъ; но за то, что будешь учиться, заплати-ка деньги.—Пожалуй, еслибы онъ были, сказалъ я.—Есть, есть! вскричалъ Главконъ. Какъ скоро нужны деньги, Тразимахъ, —говори, мы всѣ здѣсь внесемъ за Сократа.—Конечно, сказалъ онъ; видно для того, чтобы Сократъ былъ вѣренъ своему обычаю, то-есть, самъ не отвѣчалъ, а подхватывалъ отвѣты другаго и опровергалъ ихъ.—Да какъ же отвѣчать-то, любезный мой, когда, во-первыхъ, не знаешь и признаешься въ своемъ незнаніи, и когда, во-вторыхъ, еслибы и имѣлъ какое понятіе о предметѣ, —человѣкъ порядочный запрещаетъ тебѣ говорить, что думаешь. Тебѣ конечно болѣе пристало говорить; потому что ты-то вотъ E. знаешь и можешь сказать. Такъ не откажись же и не скрывай; научи, сдѣлай милость, своими отвѣтами и меня, и этого Главкона, и всѣхъ другихъ.—Вслѣдъ за мною, стали просить его и Главконъ, и прочіе, чтобы онъ не отказывался. Видно было, что Тразимаху и самому сильно хотѣлось го-

338.

¹ Какое изволишь избрать себѣ наказаніе? формула судейская. Вполнѣ выражалась она такъ: τί ἀξίός ἐστι παθεῖν ἢ ἀποτίσαι; παθεῖν относилась къ наказанію тѣлесному, а ἀποτίσαι—къ штрафу. Поэтому дальше Тразимахъ говоритъ: ἀλλὰ πρὸς τῷ μαθεῖν καὶ ἀποτίσαι ἀρῦρον, и этимъ вмѣстѣ показываетъ, какъ лакомы софисты до денегъ.

ворить; его подстрѣвало желаніе похвалы, и онъ надѣялся, что отвѣтъ будетъ прекрасенъ, но все еще притворно спорилъ, заставляя меня отвѣчать. Наконецъ онъ долженъ былъ уступить и сказалъ: такова ужъ и есть мудрость Сократа, В. что самъ онъ не хочетъ учить, а бродить и учиться у другихъ, да еще и не платить за то благодарностію.—Что я учусь у другихъ, былъ мой отвѣтъ,—это правда, Тразимахъ; но что я, по твоимъ словамъ, остаюсь неблагодарнымъ,—это ложь. Благодарю, какъ могу; а могу благодарить только похвалою: денегъ у меня нѣтъ. И съ какимъ усердіемъ это дѣлаю, когда чьи-нибудь слова мнѣ нравятся, ты тотчасъ же ясно узнаешь, какъ скоро будешь отвѣчать; потому что твои отвѣты, думаю, будутъ хороши. — Такъ С. слушай, сказалъ онъ: справедливымъ я называю не что иное, какъ полезное сильнѣйшему ¹. Ну, что же не хвалишь? видно не хочешь?—Напередъ надобно понять, что ты говоришь, примолвилъ я; теперь пока еще не понимаю. Справедливое, говоришь, есть полезное сильнѣйшему: но что же бы это такое, Тразимахъ? Не разумѣть ли тебя слѣдующимъ образомъ? если нашъ Полидамасъ ²—самый сильный боецъ, и для его тѣла полезно бычачье мясо; то и намъ, которые слабѣе его, полезна и вмѣстѣ справедлива та же самая пища.—Ты крайне безстыденъ, D. Сократъ, сказалъ онъ,—принимаешь слово въ такомъ смыслѣ, въ какомъ только можно уронить его.—Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ я; но вырази свою мысль яснѣе.—Да развѣ ты не знаешь, сказалъ онъ, что одни изъ городовъ управляютъ

¹ Известное ученіе софистовъ, что нѣтъ ничего справедливаго по природѣ, но что все справедливо или несправедливо по закону и соглашенію—почитать одно честнымъ, другое безчестнымъ. Gorg. p. 483 B. C sqq. Protag. p. 357 C sqq. Legg. IV, p. 714 C. D.

² По схолиасту, этотъ Полидамасъ былъ изъ ессалійскаго города Скотиусы и прославился, какъ ужасный боецъ (см. *Pausan.* VI, 5). Въ Персіи, при царѣ Охъ, онъ убивалъ львовъ и, вооружившись, сражался нагой (*Pausan.* VII. 27). О немъ упоминаютъ также Лукіанъ, Плутархъ и другіе. *Hemsterhus.* Anecd. 1, p. 61.

- ся тираннами, другіе — народомъ, а иные — вельможами? — Какъ не знать? — И не тотъ ли сильнѣе въ каждомъ городѣ, кто управляетъ? — Конечно. — Но всякая власть даетъ законы, сообразные съ ея пользою: народная — народные, тиранская — тиранскіе, то же и прочія. Давъ же законы, полезные для себя, она объявляетъ ихъ справедливыми для подданныхъ, и нарушителя этихъ законовъ наказываетъ, какъ беззаконника и противника правдѣ. Такъ вотъ я и говорю, любезнѣйшій, что во всѣхъ городахъ справедливое — одно и то же: это — польза постановленной власти. Но власть господствуетъ; стало быть, кто правильно мыслить, тотъ и заключить, что справедливое вездѣ одно, — именно, польза сильнѣйшаго. — Теперь понимаю, чтò ты говоришь, сказалъ я: остается поучиться, истинны ли эти слова, или нѣтъ. Вѣдь и твой отвѣтъ — таковъ, Тразимахъ, что полезное справедливо: мнѣ — то ты запрещалъ отвѣчать подобнымъ образомъ, а между тѣмъ самъ прибавилъ только «для сильнѣйшаго». — Конечно прибавка маловажная ¹, примолвилъ онъ. — Да и неизвѣстно еще, важна ли она; извѣстно лишь то, что надобно изслѣдовать, правду ли ты говоришь. И я тоже согласенъ, что справедливое есть нѣчто полезное: но ты прибавилъ и утверждаешь, что полезное для сильнѣйшаго; а я не знаю этого; стало быть, надобно изслѣдовать. — Изслѣдывай, сказалъ онъ. — Такъ и будетъ, продолжалъ я. Скажи-ка мнѣ: считаешь ли ты дѣйствительно справедливымъ повиноваться правительству? — Да. — А правители во всѣхъ городахъ непогрѣшимы, или могутъ и погрѣшать? — Безъ сомнѣнія, могутъ и погрѣшать, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно, приступая къ постановленію законовъ, одни изъ нихъ предписываютъ правое, другіе неправое? — Я думаю. — Предписывать же правое значить ли предписывать полезное самому

¹ Эти слова Тразимаха имѣютъ, очевидно, смыслъ ироническій: въ такомъ смыслѣ нерѣдко употребляется и слово *ἰσως*, какъ здѣсь: *Σμικρά γε ἰσως προσ-εῖλην*. См. Gorg. p. 473 В.

себѣ, а неправое — неполезное? Или какъ ты полагаешь? — Я полагаю такъ. — Но что предписано, то подчиненные должны исполнять, и это есть дѣло правое? — Какое же иначе? — Стало быть, по твоимъ словамъ, справедливо будетъ исполнять не только полезное сильнѣйшему, но и противное тому, — неполезное. — Что ты говоришь? сказалъ онъ. — Кажется, — то же, что и ты. Разсмотримъ получше: не согласились ли мы, что правители, давая предписание подчиненнымъ, иногда погрѣшаютъ противъ того, что въ отношеніи къ нимъ самимъ есть наилучшее, и между тѣмъ для подчиненныхъ исполнять предписанія правителей есть дѣло правое? Не согласились ли мы въ этомъ? — Я думаю, отвѣчалъ онъ. — Такъ разсуди, сказалъ я: ты согласился, что справедливо будетъ исполнять неполезное для сильнѣйшихъ и правителей, когда, то-есть, они нехотя предписываютъ зло самимъ себѣ, и въ то же время справедливо будетъ, говоришь, исполнять то, что они предписали. Въ такомъ случаѣ, мудрѣйшій Тразимахъ, не придется ли мы къ необходимости признавать справедливымъ исполненіе противнаго тому, что ты говоришь? Тутъ вѣдь подчиненнымъ предписывается исполнять неполезное для сильнѣйшаго. — Да, это, Сократъ, очень ясно, клянусь Зевсомъ, сказалъ Полемархъ. — Особенно, если засвидѣтельствуешь¹ ты, подхватилъ Клитофонъ. — А къ чему тутъ свидѣтельство? сказалъ онъ; вѣдь самъ Тразимахъ сознается, что правители иногда предписываютъ злое для самихъ себя и что исполнять это — со стороны подчиненныхъ есть дѣло правое. — Конечно, по мнѣнію Тразимаха, исполнять повелѣнія, даваемые правителями, есть дѣло правое, Полемархъ. — И пользу сильнѣйшаго счелъ онъ также дѣломъ правымъ, Клитофонъ. Допустивъ же то и другое, онъ тотчасъ согласился, что сильнѣйшіе иногда предписываютъ

¹ Слова Клитофона: *особенно, если засвидѣтельствуешь ты*, надобно понимать въ значеніи ироніи; ироническое ихъ значеніе выражается частицею *ὅτι* послѣ *ὅτι: ἰαν σὺ γ' αὐτῶν μαρτυρήσεις*. Клитофонъ становится на сторону Тразимаха и хочетъ защищать его противъ Полемарха.

низшимъ и подчиненнымъ исполнять дѣла, несообразныя съ своею пользою. А при согласіи на это, польза сильнѣйшаго становится уже дѣломъ не болѣе правымъ, какъ и не-польза. — Но пользою сильнѣйшаго, замѣтилъ Клитонъ, названо то, что самъ сильнѣйшій признаетъ для себя полезнымъ. Это-то надобно исполнять низшему, и это-то Тразимахъ почитаетъ справедливымъ. — Однакожь онъ говоритъ не такъ, отвѣчалъ Полемархъ. — Какая нужда, Полемархъ, сказалъ я: если Тразимахъ теперь говоритъ уже такъ, то такъ и будемъ понимать его.

Скажи-ка мнѣ, Тразимахъ, то ли хотѣлъ ты назвать справедливымъ, что сильнѣйшему представляется полезнымъ для сильнѣйшаго, было ли бы это въ самомъ дѣлѣ полезно или не полезно? Такъ ли мы должны понимать тебя? — Всего менѣе, отвѣчалъ онъ; ты думаешь, что сильнѣйшимъ я называю погрѣшающаго, когда онъ погрѣшаетъ? — Да, мнѣ думалось, что это твоя мысль, сказалъ я, какъ скоро правителей призналъ ты не непогрѣшимыми, а подверженными ошибкамъ. — Какой ты жетолкователь въ разговорахъ, Сократъ! Врачемъ ли, напримѣръ, назовешь ты человѣка, погрѣшающаго касательно больныхъ, — именно въ отношеніи къ тому, въ чемъ онъ погрѣшаетъ? логикомъ ли — человѣка, погрѣшающаго въ умозаключеніи, именно тогда, когда онъ подвергается этому самому роду погрѣшностей? Я думаю, что мы такъ только говоримъ, будто погрѣшилъ врачъ, погрѣшилъ логикъ, грамматикъ: въ самомъ же дѣлѣ ни одинъ изъ нихъ и никогда не погрѣшаетъ, будучи тѣмъ, чѣмъ мы кого называемъ. Говоря собственно, или съ свойственною тебѣ самому точностію, изъ мастеровъ никто не грѣшитъ; потому что погрѣшающій погрѣшаетъ отъ недостатка знанія въ томъ, въ чемъ онъ — не мастеръ: то-есть ни мастеръ, ни мудрецъ, ни какой правитель не погрѣшаетъ тогда, когда онъ — правитель; хотя всякій говоритъ, что врачъ погрѣшилъ, правитель погрѣшилъ. Такъ-то понимай ты и мой теперешній отвѣтъ. Настоящій смыслъ его таковъ: прави-

тель, поколику правитель, не погрѣшаетъ; не погрѣшая же, предписываетъ наилучшее самому себѣ,—и подчиненный долженъ исполнять это. Однимъ словомъ,—какъ и прежде сказано, справедливымъ я называю того, кто дѣлаетъ полезное сильнѣйшему. — Пускай, Тразимахъ, сказалъ я: такъ ты считаешь меня лжетолкователемъ?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Видно думаешь, что вопросы, которые я предлагалъ тебѣ, предлагалъ съ умысломъ хитрить въ разговорѣ?— Это мнѣ совершенно извѣстно, сказалъ онъ: только вѣдь ничего не выиграешь; потому что, сколько ни хитри ты,—замысль твой не спрячется, сколько ни укрывайся,—не пересилишь меня въ рѣчи.—Да и не намѣренъ, почтеннѣйшій, сказалъ я. Но чтобы опять не случилось съ нами того же, опредѣли, какъ будешь ты разумѣть правителя и человѣка сильнѣйшаго, выполнение пользы коего низшій долженъ почитать дѣломъ справедливымъ:—такъ ли, какъ о немъ обыкновенно ¹ говорятъ, или въ смыслѣ точномъ, какъ ты сейчасъ сказалъ?—Я буду разумѣть правителя въ смыслѣ точномъ, отвѣчалъ онъ: хитри теперь и клевети, сколько можешь,— умаливать не стану; да только не успѣть тебѣ.— Неужели, думаешь, я до того безуменъ, продолжалъ я, что рѣшусь стричь льва ²,—клеветать на Тразимаха?—Ты было и рѣшался, сказалъ онъ; да куда тебѣ!—Но довольно объ этомъ, примолвилъ

В.

С.

¹ Это выраженіе я нахожу соответствующимъ употребленной здѣсь Платономъ поговоркѣ: *ὡς ἔπος εἰπεῖν*. Приведенная поговорка въ разныхъ сочетаніяхъ мыслей имѣетъ разное значеніе. Въ настоящемъ случаѣ она противоплагается τῷ ἀκριβεῖ λόγῳ и указываетъ на правителя въ смыслѣ формальномъ или именномъ, лишь бы, то-есть, было имя, а на самое дѣло вниманія не обращается. Въ этомъ смыслѣ, вмѣсто *ὡς ἔπος εἰπεῖν*, иногда употребляется просто *ὡς εἰπεῖν* (Legg. I p. 639 E), и показываетъ отсутствіе особенной заботливости о подборѣ словъ и выраженій. Понимаемое такимъ образомъ, оно противоплагается также τῷ ὄντως ὄντι (Legg. II p. 656 E), какъ вѣднѣе—существенному, идеальному.

² *Рѣшиться стричь льва* — *ξερεῖν ἐπιχειρεῖς λέοντα*: пословица, прилагаемая къ тѣмъ, которые рѣшаются брать на себя какое-нибудь дѣло невозможное. Эту пословицу употребляли и Римляне: *leonem radere vel tondere*. *Apostol.* IX, 32. *Erasm.* Chiliad. II, centur. 5, § 11. *Aristid.* Oratt. Plat. II, p. 143,—ὄσθ' ὄρα μὴ λέοντα ξερεῖν ἐπιχειρώμεν.

- я. Скажи-ка ¹ мнѣ: врачъ въ смыслѣ точномъ, о которомъ ты сейчасъ говорилъ, есть ли собиратель денегъ, или попечитель о больныхъ? да говори о врачѣ истинномъ.— Попечитель о больныхъ, отвѣчалъ онъ.— А кормчій? истинно кормчій есть ли правитель корабельщиковъ, или корабельщикъ?—
- Д. Правитель корабельщиковъ. — Вѣдь не то, думаю, надобно брать въ расчетъ, что онъ плаваетъ на кораблѣ, и что слѣдовательно долженъ называться корабельщикомъ; потому что кормчій называется не по плаванію, а по искусству и по управленію корабельщиками. — Правда, сказалъ онъ. — Но для каждаго искусства есть ли что-нибудь полезное? — Конечно есть. — И искусство, спросилъ я, не къ тому ли естественно направляется, чтобы отыскивать полезное для всякаго и производить это? — Къ тому, отвѣчалъ онъ.— А для каждаго искусства есть ли нѣчто полезное внѣ его, въ чемъ оно имѣетъ нужду? или каждое изъ нихъ достаточно само для себя, чтобы сдѣлаться совершеннѣйшимъ?— Какъ
- Е. это?— Напримѣръ, пусть бы ты спросилъ меня, сказалъ я: довольно ли тѣлу быть тѣломъ, или оно въ чемъ-нибудь нуждается?— я отвѣчалъ бы, что непременно нуждается. Для того-то врачебное искусство нынѣ и изобрѣтено, что тѣло худо и что такимъ быть ему не довольно. Стало быть, это искусство приготовлено для доставленія пользы тѣлу. Говоря такъ, правильно ли, кажется тебѣ, сказалъ бы я, или
342. нѣтъ? — Правильно, отвѣчалъ онъ. — Что же теперь? самое это врачебное искусство—худо ли оно? Равнымъ образомъ и

---

¹ Въ опроверженіи Тразимахова мнѣнія Сократъ идетъ такъ: всякое искусство, стоящее своего имени, ни отъ чего не зависитъ и не ожидаетъ помощи ни отъ какого другаго искусства; ибо единственная цѣль его состоитъ въ доставленіи добра или пользы тому, для чего оно изобрѣтено. Напримѣръ, медицина заботится не о себѣ, а о сохраненіи или возстановленіи тѣлеснаго здоровья; искусство пастушеское опять имѣетъ въ виду не то, чтобы пріобрѣсти выгоду себѣ, но чтобы сохранить въ хорошемъ состояніи стадо; тоже искусство кормчаго бережетъ не себя, а направляется къ тому, какъ бы содѣйствовать пользѣ плователей. Если же все это справедливо, то и искусство правителя смотреть не на свою пользу, а на то, чтобы хорошо было людямъ, которыми оно управляетъ.

всякое другое—нуждается ли въ какомъ-нибудь совершенствѣ, какъ, на примѣръ, глаза—въ зрѣніи, уши—въ слышаніи? И потому для искусствъ требуется ли еще искусство, которое слѣдило бы за ихъ пользою и производило ее? Въ самомъ искусствѣ есть ли какой-нибудь недостатокъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ ли нужду въ иномъ искусствѣ, которое наблюдало бы его пользу? А это наблюдающее не чувствуетъ ли необходимости опять въ подобномъ, и такъ до безконечности? Или оно само заботится о своей пользѣ? Или, для усмотрѣнія пользы относительно худаго своего состоянія, не нуждается ни въ самомъ себѣ, ни въ другомъ,—такъ какъ ни одному искусству не присуще ни зло, ни заблужденіе, и искусство не обязано искать пользы чему-нибудь иному, кромѣ того, для чего оно—искусство, само же, какъ правое, оно—безъ вреда и укоризны, пока всякое изъ нихъ сохраняетъ именно ту цѣлость, какую должно имѣть? Смотри-ка, въ принятомъ тобою точномъ смыслѣ такъ ли это, или иначе?—Кажется, такъ, B. сказалъ онъ. — Значить, искусство врачебное, спросилъ я, старается доставить пользу не врачебному искусству, а тѣлу? — Да, отвѣчалъ онъ. — И конюшенное—не конюшенному, а конямъ, и всякое другое—не само себѣ,—такъ какъ ни въ чемъ не нуждается,—а тому, въ отношеніи къ чему оно есть искусство?—Видимо такъ, сказалъ онъ. — Но искусства, Тразимахъ, надъ тѣмъ, для чего они—искусства, конечно начальствуютъ и имѣютъ силу.—Согласился, хоть и съ трудомъ. — Стало быть, и всякое также знаніе имѣетъ въ виду и представляетъ пользу не сильнѣйшаго, а низшаго и подчиненнаго себѣ.—Согласился наконецъ и на это, C. а пробовалъ было спорить.—Когда же онъ согласился,—я спросилъ: Такъ, не правда ли, что всякій врачъ, какъ врачъ, предписываетъ пользу, имѣя въ виду не врача, а больного? Въдъ мы согласились, что врачъ въ смыслѣ точномъ есть правитель тѣла, а не собиратель денегъ. Не согласились ли мы?—Подтвердилъ. — Не правда ли также, что и кормчій въ смыслѣ точномъ есть правитель корабельщиковъ, а не ко- D.

Е. рабелъщикъ?—Согласился.—Слѣдовательно, такой-то кормчій и правитель будетъ предписывать пользу, имѣя въ виду не кормчаго, а корабельщика и подчиненнаго.—Едва подтвердилъ.—Поэтому, Тразимахъ, сказалъ я, и всякій другой, въ какомъ бы то ни было родѣ управленія, какъ правитель, предписываетъ полезное, имѣя въ виду не себя самого, а подчиненнаго и того, въ отношеніи къ кому онъ есть дѣятель. На него онъ и смотритъ, для его пользы и пригодности онъ и говоритъ все, что говоритъ, и дѣлаетъ все, что дѣлаетъ.

343. Когда нашъ разговоръ дошелъ до этого, и для всѣхъ было явно, что рѣчь о справедливомъ обратилась въ противную; тогда Тразимахъ, вмѣсто того, чтобы отвѣчать, спросилъ меня: скажи мнѣ, Сократъ, есть ли у тебя нянька?—Къ чему это? возразилъ я; не лучше ли было бы тебѣ отвѣчать, чѣмъ предлагать такой вопросъ?—Да къ тому, сказалъ онъ, что она не обращаетъ вниманія на нечистоту твоего носа и не утираетъ тебя, когда нужно; ты у ней даже не отличаешь овецъ отъ пастуха.—Какъ же это именно? спросилъ я.—Такъ, что ты думаешь, будто овчары, или волопасы, заботятся о благѣ овецъ, либо быковъ, кормятъ ихъ и ходятъ за ними, имѣя въ виду что-нибудь другое, а не благо господъ и свое собственное; и будто не тѣ же мысли въ отношеніи къ подчиненнымъ у самыхъ правителей обществъ, управляющихъ ими по надлежащему, какія—въ отношеніи къ овцамъ у пастуховъ: иное ли что-нибудь занимаетъ ихъ день и ночь, кромѣ того, какъ бы отсюда извлечь свою пользу? Ты слишкомъ далекъ отъ понятія о справедливомъ и справедливости, о несправедливомъ и несправедливости: ты не знаешь, что справедливость и справедливое на самомъ дѣлѣ есть благо чужое, то-есть польза человѣка сильнѣйшаго и правителя, а собственно для повинующагося и служащаго это—вредъ. Людьями, особенно глупыми и справедливыми, управляетъ-то, напротивъ, несправедливость; подчиненные сами устрояютъ пользу правителя, какъ

сильнѣйшаго, и служа ему, дѣлають его счастливымъ, а себя—нисколько. Смотрѣть надобно на то, величайшій про- D. стьякъ, Сократъ, что человѣкъ справедливый вездѣ выигры- ваетъ менѣе, нежели несправедливый: и во-первыхъ, въ сношеніяхъ частныхъ, когда тотъ и другой вступаютъ въ какое-нибудь общее дѣло,—нигдѣ не найдешь, чтобы конецъ этого дѣла приносилъ болѣе пользы справедливому, чѣмъ несправедливому, а всегда менѣе; во-вторыхъ, въ сношеніяхъ общественныхъ, если бывають какіе-нибудь денежные сборы, то изъ равныхъ частей справедливый вноситъ больше, несправедливый меньше, а когда надобно получать,—первому E. не достается ничего, а послѣднему много. Да пусть даже тотъ и другой—лица правительственныя:—все-таки справедливому приходится, если не терпѣть какого другаго вреда, то, чрезъ опущеніе домашнихъ дѣлъ, видѣть ихъ въ худомъ состояніи, а пользы отъ дѣлъ общественныхъ онъ не получаетъ никакой—именно потому, что справедливъ; мало того,—справедливый еще подвергается упрекамъ со стороны домашнихъ и родственниковъ за то, что, вопреки справедливости, не хочетъ ничего для нихъ приготовить. У несправедливаго же все бываетъ напротивъ. Говорю, что и недавно сказалъ: у человѣка многосильнаго, много и любостыжанія. Такъ на то-то смотри, если хочешь судить, во сколько полез- 344. нѣе ему лично быть несправедливымъ, чѣмъ справедливымъ. Легче же всего узнаешь это, когда дойдешь до несправедливости совершеннѣйшей, которая обидчика дѣлаетъ самымъ счастливымъ, а обижаемыхъ и нежелающихъ обижать—самыми несчастными. Такова тиранія, которая не понемногу похищаетъ чужое—тайно и насильственно, не понемногу овладѣваетъ достояніемъ храмовъ и государственной ¹ каз-

¹ Не понемногу овладѣваетъ достояніемъ храмовъ и государственной казны. Такою только фразою можно выразить два слова въ текстѣ Платона: *καὶ ἱερά καὶ δαίκα*. Схолиастъ, говоря о различіи этихъ словъ, замѣчаетъ, что *δαίκα*—τὰ βέβηλα, εἰς ἃ ἔστιν εἰσεύειν, ὡς Ἀριστοφάνης Λυσιστράτη—καὶ δαίκα χρήματα τὰ μὴ ἱερά. Λέγεται δὲ καὶ τὸ Διονύσιον δαίσιον. Иначе говорить въ своемъ трактатѣ о Тимократѣ Димосеенъ: τὰ μὲν τῶν θεῶν χρήματα ἱερά, τὰ δὲ κοινὰ τῆς πόλεως δαίκα

ны, имуществомъ домашнимъ и общественнымъ, но всецѣло. Обидчикъ, въ частныхъ видахъ преступленій, не укрывается, но подвергается наказанію и величайшему безчестію. Совершатели этихъ злодѣяній по частямъ называются и святотатцами, и поработителями людей, и подкапывателями стѣнъ, и обманщиками, и хищниками: напротивъ, кто не только похищаетъ имущество гражданъ, но и самихъ содержитъ въ узахъ рабства; тотъ, вмѣсто этихъ постыдныхъ именъ¹, получаетъ названіе счастливецъ—не только отъ гражданъ, но и отъ другихъ, увѣренныхъ въ совершенной его несправедливости; потому что порицатели несправедливости порицаютъ ее не за то, что она дѣлаетъ неправду, а за то, что угрожаетъ имъ собственными страданіями. Такъ-то, Сократъ: несправедливость на извѣстной степени—и могутъ быть, и свободнѣе, и величественнѣе справедливости; поэтому, какъ я вначалѣ сказалъ, справедливость есть польза сильнѣйшаго, а несправедливость—польза и выгода собственная.

D. Сказавши это и своею порывистою и обильною рѣчью заливши наши уши, какъ банщикъ, Тразимахъ думалъ уйти; однакожь бывшіе тутъ не пустили его, но принудили остаться и сказанное подтвердить причинами. Въ этомъ именно я и самъ имѣлъ великую нужду, а потому продолжалъ: О божественный Тразимахъ! поразивъ насъ такую

ὀνομάζει. См. Photius sect. 257. Interpp. ad Hesych. T. II, p. 794. Valken. ad Ammon. p. 184. Очень хорошо замѣчаніе и Шенемана (De Comitibus Athen. p. 298). "Ὅσιον, говоритъ онъ, можетъ быть совершенно безъ опасности подвергнуться наказанію церковному, или *δπιον* есть вещь, которой не позволено употребить для частной мірской цѣли. Итакъ *ἱεροῖς χρήμασι* противопоставляются *τὰ δσια*, которыя назначаются для общественнаго мірскаго употребленія; тогда какъ первыя могутъ быть издерживаемы только на нужды религіозныя.

¹ Греки очень дорожили именемъ, и этимъ словомъ часто обозначали положеніе челоѣка въ обществѣ. Поэтому здѣсь — *αἰσχρὰ δνόματα* суть святотатцы, поработители, хищники, и пр., а въ другихъ мѣстахъ, напримеръ Libr. V p. 463 E — *οἰκετὰ δνόματα* означали домашнихъ, Sophist. p. 226 B — *οἰκετῶν δνόματα* указывали на рабскія должности, Cratyl. p. 411 A. Phileb. p. 38 A — *καλὰ δνόματα* содержали подъ собою нѣчто доброе и прекрасное, Hipp. Maj. p. 288 D — *χαυῖα δνόματα* приписывались вещамъ мало важнымъ и низкимъ.

рѣчью, ты намѣреваешься уйти и не хочешь достаточно научить, либо научиться, такъ ли оно въ самомъ дѣлѣ, или не такъ. Опредѣленіе этого предмета неужели считаешь дѣломъ маловажнымъ, а не правиломъ жизни, которымъ руководствуясь, каждый изъ насъ могъ бы прожить съ наибольшею пользою?—Но развѣ я понимаю это иначе? примолвилъ Тразимахъ. — Однакожъ о насъ-то по крайней мѣрѣ, сказалъ я, ты, кажется, нисколько не заботишься, и тебѣ нѣтъ дѣла, худо ли, хорошо ли мы живемъ, не зная того, что, по твоимъ словамъ, ты знаешь. Нѣтъ, добрый человѣкъ, постарайся показать это и намъ. Не въ худое мѣсто положишь ты свое добро, облагодѣтельствовавъ имъ насъ, слушающихъ тебя въ такомъ количествѣ. Что же касается до меня, то я все-таки говорю тебѣ, что не вѣрю и не думаю, будто несправедливость выгоднѣе справедливости, хотя бы даже оставили ее въ покоѣ и не мѣшали ей дѣлать, что хочетъ. Да, добрый человѣкъ, пусть она несправедлива и въ состояніи обижать либо тайно, либо насильственно: но меня-то не убѣдитъ, что съ нею соединено больше выгоды, чѣмъ съ справедливостію. Да можетъ быть и еще кто-нибудь изъ насъ то же чувствуетъ, а не одинъ я. Докажи же намъ, почтеннѣйшій, удовлетворительнѣе, что мы несправедливо думаемъ, предпочитая справедливость несправедливости. — Но какъ же я докажу тебѣ, спросилъ онъ? Если не вѣришь сейчасъ сказанному, то что еще съ тобою дѣлать? Могу ли я свое слово, будто ношу, вложить въ твою душу? — Ахъ, ради Зевса, не ты вѣдь, сказалъ я; ты только настаивай на томъ, что утверждалъ сначала: а если измѣнишь свое мнѣніе, то измѣняй открыто и не обманывай насъ. Возвратимся къ прежнему предмету. Видишь ли Тразимахъ? опредѣливъ сперва значеніе настоящаго врача, ты уже не думалъ о томъ, что впоследствии надобно также удержать значеніе и настоящаго пастуха; напротивъ, думаешь, что если онъ пастухъ, то пасеть овецъ, имѣя въ виду не ихъ благо, а пированье, какъ какой-нибудь ѣдокъ и человѣкъ, приготовляющій себѣ

- роскошный столъ, либо, если смотрѣть на проценты, какъ
- D. собиратель денегъ, а не какъ пастухъ. Между тѣмъ пастушество-то не заботится ни о чемъ, кромѣ того, надъ чѣмъ оно поставлено, какъ бы, то-есть, ввѣренныхъ себѣ овецъ привести въ наилучшее состояніе; ибо, что касается до него самаго, то его состояніе уже достаточно хорошо, пока оно не имѣетъ нужды ни въ чемъ, чтобы быть пастушествомъ. Потому-то и считалъ я недавно необходимымъ для насъ дѣломъ согласиться, что никакое правительство, будетъ ли оно общественное или домашнее, какъ правительство, не должно имѣть въ виду ничего, кромѣ блага подчиненныхъ и управляемыхъ.
- Ты думаешь, что правители обществъ, управляющіе по надлежащему, управляютъ добровольно? — Ради Зевса, не думаю, отвѣчалъ онъ, а совершенно знаю. — Что же другія-то начальства, Тразимахъ? сказалъ я: развѣ не замѣчаешь, что никто не хочетъ управлять добровольно, но всѣ требуютъ платы, такъ какъ отъ управленія должна произойти польза не для нихъ самихъ, а для управляемыхъ? Скажи-ка мнѣ те-
346. перь вотъ что: каждое искусство не потому ли всегда называемъ мы отличнымъ отъ другихъ, что оно имѣетъ отличную отъ другихъ силу? Да говори, почтеннѣйшій, не вопреки собственному мнѣнію, чтобы намъ чѣмъ-нибудь кончить. — Потому что имѣетъ отличную отъ другихъ силу, отвѣчалъ онъ. — Не правда ли также, что и пользу каждое изъ нихъ приноситъ намъ особенную, а не общую, — на примѣръ, искусство врачебное доставляетъ здоровье, искусство кормчаго спасаетъ во время плаванія, то же и прочія? — Конечно. — А
- V. искусство вознаграждательное — не плату ли? вѣдь въ этомъ его сила. Развѣ врачебное пользованіе и управленіе кораблемъ для тебя все равно? Если ужъ, согласно съ предположеніемъ, ты рѣшился дѣлать опредѣленія точныя; то потому ли единственно признаешь ты врачебное искусство, что какой-нибудь правитель корабля здоровъ, такъ какъ плаваніе по морю для него здорово? — Нѣтъ, сказалъ онъ. — И искусства вознаграждательнаго, думаю, не назовешь тѣмъ

же именемъ, когда кто-нибудь, получая плату, здравствуетъ. — Нѣтъ. — Что жъ? врачебное искусство, по твоему мнѣнію, будетъ ли искусствомъ вознаграждательнымъ, если иной С. врачующій получаетъ плату? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Не согласились ли мы, что пользу-то каждое искусство приносить свою особенную? — Пусть такъ, сказалъ онъ. — Стало быть, когда всѣ мастера получаютъ извѣстную пользу съобща, то, очевидно, получаютъ ее отъ того самаго, чѣмъ пользуются съобща. — Вѣроятно, отвѣчалъ онъ. — И мы говоримъ, что мастера, получающіе плату, находятъ эту пользу въ томъ, что пользуются искусствомъ вознаграждательнымъ. — Съ трудомъ подтвердилъ. — Значить, эту самую D. пользу, то-есть полученіе платы, каждый изъ нихъ пріобрѣтаетъ не отъ своего искусства, но, если изслѣдовать точнѣе, искусство врачебное доставляетъ здоровье, а вознаграждательное сопровождаетъ это платою; искусство домостроительное созидаетъ домъ, а вознаграждательное сопровождаетъ это платою; такъ и всѣ прочія: каждое дѣлаетъ свое дѣло и производитъ пользу, сообразную тому, надъ чѣмъ оно поставлено. Но пусть къ искусству не присоединялась бы плата, — мастеръ пользовался ли бы отъ него чѣмъ-нибудь? — Повидимому нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — А неужели, работая даромъ, онъ не приносилъ бы и пользы? — Думаю, приносилъ E. бы. — Такъ вотъ ужъ и явно, Тразимахъ, что ни одно искусство и никакое начальствованіе не доставляетъ пользы самому себѣ, но, какъ мы и прежде говорили, доставляетъ и предписываетъ ее подчиненному, имѣя въ виду пользу его, то-есть низшаго, а не свою, или сильнѣйшаго. Потому-то, любезный Тразимахъ, я недавно и говорилъ, что никто не хочетъ начальствовать и принимать на себя исправленіе чужаго зла добровольно, но всякій требуетъ платы; такъ какъ человѣкъ, намѣревающийся благотворить искусствомъ, никогда не благотворить самому себѣ, и предписывающій добро, по требова- 347.

нію искусства, предписываетъ его не себѣ, а подчиненному; и за него-то, вѣроятно, людей, имѣющихъ вступить въ управ-

леніе, надобно вознаграждать—либо деньгами, либо честью, а кто не начальствуетъ,—наказаніемъ.—Что это говоришь ты, Сократъ? возразилъ Главконъ: первыя двѣ награды я знаю, но что упомянуто еще о наказаніи, и это наказаніе отнесено къ числу наградъ, того какъ-то не понимаю.—

В. Стало быть, ты не понимаешь награды самыхъ лучшихъ людей, сказалъ я,—той награды, ради которой управляютъ люди честнѣйшіе, когда они хотятъ управлять. Развѣ не извѣстно тебѣ, что честолюбіе и сребролюбіе почитаются и бываютъ дѣломъ ненавистнымъ.—Извѣстно, отвѣчалъ онъ.—Такъ вотъ добрые, сказалъ я, не хотятъ управлять ни для денегъ, ни для чести; потому что не хотятъ называться ни наемниками, управляя открыто для вознагражденія, ни хищниками, пользуясь отъ управленія чѣмъ-нибудь тайно:—не хотятъ они также управлять и для чести, потому что не честолюбивы. Только необходимостію и наказаніемъ должно ограничивать ихъ къ принятію на себя правительственныхъ обязанностей. Отсюда-то, должно быть, рождается унизительное мнѣніе о тѣхъ, которые вступаютъ въ управленіе добровольно, а не ожидаютъ необходимости. Величайшее изъ наказаній есть—находиться подъ управленіемъ челоуѣка, сравнительно худшаго, когда самъ не хочешь управлять; и люди честные, если они управляютъ, управляютъ, мнѣ кажется, изъ опасенія именно этого наказанія:—они тогда вступаютъ въ управленіе не потому, чтобы стремились къ какому-нибудь благу, и не потому, чтобы хотѣли удовлетворить собственному чувству, но какбы увлекаясь необходимостію, поколику не могутъ ввѣрить себя лучшимъ или подобнымъ себѣ

Д. правителямъ. Такимъ образомъ, еслибы городъ состоялъ изъ мужей добрыхъ, то едва ли бы не старались они устраняться отъ правительственныхъ обязанностей, какъ нынѣ домогаются принимать участіе въ нихъ. А отсюда явно, что на самомъ дѣлѣ истинный правитель обыкновенно имѣлъ бы тогда въ виду не собственную пользу, а выгоду подчиненнаго; такъ что всякій, понимающій дѣло, скорѣе согла-

сился бы получать пользу отъ другаго, чѣмъ озабочиваться доставленіемъ пользы другому. Посему я никакъ не уступлю Тразимаху, будто справедливость есть польза сильнѣйшаго. Впрочемъ это-то мы еще рассмотримъ впоследствии. Е.

Для меня гораздо важнѣе недавнія слова Тразимаха, что жизнь человѣка несправедливаго лучше, нежели жизнь справедливаго. А ты, Главконъ, примолвилъ я, которую избираешь? чтò здѣсь, по твоему, говорится вѣрнѣе?—По моему, жизнь справедливаго выгоднѣе, отвѣчалъ онъ.—Но слышалъ ли, сколько благъ въ жизни несправедливаго открылъ сейчасъ Тразимахъ? спросилъ я.—Слышалъ, да не вѣрю, сказалъ онъ.—Такъ хочешь ли, убѣдимъ его, лишь бы только отыскать доказательства, что онъ говоритъ неправду?—Какъ не хотѣть, отвѣчалъ онъ.—Однакожь, продолжалъ я, если, пререкая ему, мы слову противопоставимъ слово и въ свою очередь покажемъ, какъ много благъ заключается въ жизни справедливой; потомъ, если онъ начнетъ возражать намъ, а мы снова—отвѣчать ему: то блага, высказанныя тою и другою стороною о томъ и другомъ предметѣ, понадобится исчислять и измѣрять, и намъ уже нужны будутъ какіе-нибудь судьи и цѣнители. Напротивъ, если дѣло подвергнется изслѣдованію обоюдному и согласію общему, какъ прежде; то мы сами будемъ вмѣстѣ и судьями и риторами.—Конечно, сказалъ онъ.—Что жъ, первое или послѣднее нравится тебѣ? спросилъ я.—Послѣднее, отвѣчалъ онъ.

Хорошо же ¹, Тразимахъ, продолжалъ я; отвѣчай намъ съ начала. Говоришь ли ты, что совершенная несправедли-

¹ Тразимахъ утверждалъ, что несправедливость полезнѣе, могущественнѣе и счастливѣе справедливости. Теперь Сократъ приступаетъ къ опроверженію всѣхъ этихъ положеній, и приходитъ къ противнымъ тому заключеніямъ слѣдующимъ образомъ. Никакой благоразумный человѣкъ, знающій какое-нибудь дѣло, не будетъ стараться превзойти того, кто то же самое дѣло знаетъ въ совершенствѣ; ибо кто знаетъ это въ совершенствѣ, того превзойти никто не можетъ. То же надобно сказать о справедливости и несправедливости. Но тутъ замѣчается, что справедливый желаетъ имѣть хотя больше, чѣмъ несправедливый; однакоже не больше, чѣмъ справедливый: несправедливый же, напротивъ, хотѣлъ бы имѣть больше, чѣмъ

вость полезнѣе совершенной справедливости? — Конечно, С. отвѣчалъ онъ; и говорю, и сказалъ,—почему. — Положимъ; а что скажешь ты объ ихъ качествахъ? одни изъ нихъ, вѣроятно, назовешь добродѣтелью, а другія порокомъ? — Какъ не назвать? — Справедливость, видно, добродѣтелью, а несправедливость — порокомъ? — Походитъ, любезнѣйшій, сказалъ онъ, если я утверждаю, что несправедливость приноситъ пользу, а справедливость не приноситъ ¹. — Да какъ же иначе? — Наоборотъ, отвѣчалъ онъ. — Неужели справедливость — порокомъ? — Нѣтъ, но слишкомъ благородною простотою. — Слѣдовательно, несправедливость называешь ты хитростью? — Нѣтъ, благородуміемъ, сказалъ онъ. — Однакожь несправедливые кажутся ли тебѣ, Тразимахъ, мудрыми и добрыми? — Да, по крайней мѣрѣ тѣ, отвѣчалъ онъ, которые умѣютъ отлично быть несправедливыми и подчинять себѣ человѣческія общества и народы. А ты, можетъ быть, думаешь, что я говорю о тѣхъ, которые отрѣзываютъ кошельки? Полезно, конечно, и это, сказалъ онъ, пока не обличать, да не важно, — не таково, какъ то, на что я сейчасъ указалъ. — Е. Теперь понимаю, что хочешь ты сказать, примолвилъ я, и удивляюсь только тому, что несправедливость относишь ты къ роду добродѣтели и мудрости, а справедливость — къ противоположному. — Да, я именно такъ отношу ихъ. — Это, другъ мой, ужъ слишкомъ рѣзко, сказалъ я; и говорить противъ этого нелегко кому бы то ни было. Вѣдь еслибы ты и положилъ, что несправедливость доставляетъ пользу, но, подобно другимъ, согласился бы, что это дѣло худое и

тотъ и другой. А отсюда слѣдуетъ, что справедливость сопровождается благородуміемъ и честностію, а несправедливость съ этими добродѣтелями не сдружается. Сила этого заключенія состоитъ въ уступкѣ, что знающій съ знающимъ всегда согласенъ, а съ незнающимъ всегда несогласенъ: незнающій, напротивъ, несогласенъ ни съ знающимъ, ни съ незнающимъ; ибо отсюда ясно уже вытекаетъ, что справедливость подобна благородумію и знанію, а несправедливость — невѣжеству, τῆ ἀμαθείᾳ. Надобно замѣтить впрочемъ, что формула — *больше имѣть, плѣсὸν ἔχειν*, употребляется здѣсь нѣсколько свободно, въ различныхъ значеніяхъ.

¹ Это положеніе говорится, очевидно, съ насмѣшкою. Тразимахъ не соглашается, то-есть, справедливость назвать добродѣтелию, а несправедливость — порокомъ.

постыдное; то мы нашли бы еще, что сказать, слѣдуя обыкновенному образу мыслей: а теперь несправедливость назовешь ты, очевидно, дѣломъ и похвальнымъ и могущественнымъ, и припишешь ей все прочее, что мы обыкновенно приписываемъ справедливости, такъ какъ она смѣло отнесена тобою къ добродѣтели и мудрости.—Ты весьма вѣрно угадываешь, сказалъ онъ.—Однакожъ нечего медлить-то подробнѣйшимъ изслѣдованіемъ этого мнѣнія, продолжалъ я, пока, замѣтно, ты говоришь, что думаешь. Вѣдь мнѣ кажется, Тразимахъ, что ты нисколько не шутишь, но утверждаешь, что представляется тебѣ истиннымъ. — Какая тебѣ нужда, что мнѣ представляется, что нѣтъ? возразилъ онъ. Не угодно ли изслѣдовать?—Нужды никакой, сказалъ я; но попытайся 349.

В. отвѣчать еще на слѣдующій вопросъ: кажется ли тебѣ, что одинъ справедливый хотѣлъ бы имѣть болѣе, чѣмъ другой справедливый?—Нисколько, отвѣчалъ онъ; иначе справедливый былъ бы не такъ смѣшонъ ¹ и простъ, какъ теперь.—Ну, а болѣе справедливую дѣятельность ²?—И справедливой дѣятельности не болѣе, сказалъ онъ. — Но угодно ли ему было бы имѣть болѣе, чѣмъ сколько имѣетъ несправедливый, и почиталъ ли бы онъ это справедливымъ, или не почиталъ бы?—Почиталъ бы, отвѣчалъ онъ; и это было бы ему угодно, только превышало бы его силы.—Да, вѣдь не о томъ спрашивается, замѣтилъ я, а о томъ, что если справедливому не угодно и не хочется имѣть болѣе, чѣмъ 350.

С. сколько имѣетъ справедливый, то видно болѣе, чѣмъ несправедливый?—Точно такъ, сказалъ онъ.—Ну, а несправедливый?—угодно ли ему имѣть болѣе, чѣмъ сколько имѣетъ

¹ Въ подлинникѣ — ἀστεῖος καὶ εὐχθής. Схолиастъ справедливо замѣчаетъ: *vñv avti tou yeloiwðhç ó asteioc keitai, σημαίνει δὲ καὶ τὸν εὐθύμετον καὶ εὐπρόσωπον καὶ χαρίεντα.* Lysid. p. 204 C. *Αστεῖον γε, ἢ δ' ὄς, ὅτι ἐρῶφριζς.*

² Мысль такая: кто справедливъ, будетъ ли тотъ стараться приобрѣсть больше справедливости, чѣмъ сколько имѣется ея въ дѣятельности справедливой? То-есть, дѣйствіе справедливое, такъ какъ оно справедливо, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ справедливости; а потому человѣкъ справедливый не въ состояніи приобрѣсть больше справедливости, чѣмъ сколько имѣется въ его дѣйствіи.

- справедливый, съ справедливою его дѣятельностію?—Какъ не угодно, отвѣчалъ онъ, когда ему нравится имѣть болѣе всѣхъ?—Неужели же, стремясь получить болѣе всѣхъ, несправедливый будетъ завидовать и соревновать даже чловѣку несправедливому съ несправедливою его дѣятельностію? — Да. — Такъ мы говоримъ вотъ какимъ образомъ,
- D. примолвилъ я: справедливый хочетъ имѣть болѣе, въ сравненіи не съ подобнымъ себѣ, а съ неподобнымъ; напротивъ, несправедливый—болѣе, въ сравненіи и съ подобнымъ себѣ и съ неподобнымъ.—Очень хорошо сказано, замѣтилъ онъ. —Несправедливый также уменъ и добръ, сказалъ я, а справедливый—ни то, ни другое.—И это хорошо, примолвилъ онъ.—Несправедливый притомъ подобенъ умному и доброму, а справедливый—не подобенъ? спросилъ я.—Будучи такимъ, какъ ему и не уподобляться такимъ же, а не будучи,—какъ уподобляться? отвѣчалъ онъ.—Хорошо; стало быть, каждый изъ нихъ таковъ, какимъ подобенъ.—Да почему же не
- E. такъ? сказалъ онъ. — Положимъ, Тразимахъ; называешь ли ты одного музыкантомъ, а другаго—не-музыкантомъ?—Называю.—Котораго умнымъ и котораго неумнымъ?—Музыканта, конечно,—умнымъ, а не-музыканта—неумнымъ.—И какъ умнымъ,—то и добрымъ, а какъ неумнымъ,—то и злымъ? — Да.—Ну, а врача? не такъ же ли? — Такъ.—Но кажется ли тебѣ, почтеннѣйшій, что какой-нибудь музыкантъ, настройвая лиру, хотѣлъ бы, въ натягиваніи и ослабленіи струнъ, превзойти музыканта, или имѣть болѣе его? — Не кажется.—Что жъ? не-музыканта?—Необходимо,
350. сказалъ онъ.—А врачъ какъ?—хотѣлъ ли бы онъ въ предписаніи пици и питья превзойти врача—либо лично, либо дѣломъ?—Нисколько.—Такъ не-врача?—Да.—Однакожъ въ отношеніи ко всякому-то знанію и незнанію, тебѣ, смотри, думается, что знатокъ, какой бы то ни былъ, хотѣлъ бы на дѣлѣ, или на словахъ, избрать лучшее, чѣмъ другой знатокъ, и что, касательно одного и того же дѣла, не желалъ бы оставаться при одномъ и томъ же съ подобнымъ себѣ.—

Это-то, можетъ быть, необходимо такъ бываетъ, сказалъ онъ.—А не-знатокъ? не желалъ ли бы онъ имѣть болѣе— В. и знатока, и не-знатока? — Можетъ быть. — Но знатокъ мудръ?— Думаю.—А мудрый—добръ?—Полагаю.—Слѣдовательно, человѣкъ добрый и умный захочетъ имѣть болѣе, въ сравненіи не съ подобнымъ себѣ, а съ неподобнымъ и противнымъ.— Походитъ, сказалъ онъ.—Напротивъ, человѣкъ злой и невѣжда—болѣе, въ сравненіи и съ подобнымъ и съ противнымъ себѣ.—Явно.—Но не правда ли, Тразимахъ, спросилъ я, что несправедливый у насъ захочетъ С. имѣть болѣе, чѣмъ неподобный ему и подобный? Не такъ ли ты говорилъ?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—Справедливый же захочетъ болѣе, въ сравненіи не съ тѣмъ, кто подобенъ ему, а съ тѣмъ, кто неподобенъ?—Да.—Слѣдовательно справедливый, сказалъ я, походитъ на человѣка мудраго и добраго, а несправедливый—на злаго и невѣжду.— Должно быть.—Да мы и въ томъ согласились, что кому тотъ или другой подобенъ, таковъ тотъ или другой самъ. — Конечно согласились.—Стало быть, справедливый становится для насъ добрымъ и мудрымъ, а несправедливый—невѣждою и злымъ.

Тразимахъ подтверждалъ все это, однакожь не столь легко, какъ я говорю, но не-хотя и чуть-чуть; а сколько D. поту-то!—тѣмъ болѣе, что было лѣто. Тутъ только я видѣлъ его покраснѣвшимъ, а прежде никогда. Итакъ, получивъ согласіе, что справедливость есть добродѣтель и мудрость, а несправедливость—зло и невѣжество, я сказалъ: Пусть же это будетъ у насъ такъ; но мы утверждали еще, что несправедливость могущественна. Или не помнишь, Тразимахъ? — Помню, отвѣчалъ онъ; да мнѣ и то не нравится, что ты сейчасъ говорилъ, и я думаю начать рѣчь о прежнемъ. Но когда начну,—ты, знаю навѣр- E. ное, скажешь, что я ораторствую. Итакъ, либо предоставь мнѣ говорить, что я хочу, либо спрашивай, если хочешь спрашивать; а я буду тебѣ такать и, въ знакъ согласія либо несогласія, кивать головою, какъ киваютъ старухамъ,

разсказчицамъ басень.—Только отнюдь не вопреки своему мнѣнію, сказалъ я.—Постараюсь тебѣ нравиться, примолвилъ онъ, если ужъ не позволяешь говорить. Чего жъ еще?—Ничего болѣе, клянусь Зевсомъ, сказалъ я; но если будешь дѣлать такъ, — дѣлай; а я буду спрашивать. — Ну

351. спрашивай.—Вопросы мои будутъ касаться того же предмета, о которомъ говорено сейчасъ, чтобы наконецъ намъ опредѣлить, какова справедливость въ отношеніи къ несправедливости. Было вѣдь сказано, что несправедливость и сильнѣе и могущественнѣе справедливости: но теперь, примолвилъ я, когда справедливость признана мудростью и добродѣтелью,—теперь легко, думаю открылось бы, что, наоборотъ, она могущественнѣе несправедливости, такъ какъ несправедливость есть невѣжество; и это ужъ всякій понялъ бы. Однакожъ я не удовлетворяюсь, Тразимахъ, столь простымъ разсматриваніемъ дѣла, но хочу разсмотрѣть его

V. какъ-нибудь слѣдующимъ образомъ: согласишься ли ты, что есть несправедливый городъ, который намѣревается несправедливо поработить и другіе города, да и поработилъ, и многіе уже раболѣпствуютъ ему? — Какъ не быть? сказалъ онъ; и это-то скорѣе всего сдѣлаетъ самый сильный, который въ полной мѣрѣ несправедливъ.—Знаю, замѣтилъ я, что таково было твое мнѣніе, но я вотъ какъ изслѣдываю его: городъ, возвысившійся силою надъ другимъ городомъ, будетъ ли имѣть эту силу надъ нимъ безъ справед-

C. ливости, или необходимо съ справедливостью?—Если справедливость есть мудрость, какъ недавно говорилъ ты, то—съ справедливостью; а если она такова, какъ утверждалъ я, то—съ несправедливостью, отвѣчалъ онъ.—Я весьма радъ, Тразимахъ, что ты не довольствуешься однимъ качаніемъ головы, въ знакъ согласія или несогласія, но даже прекрасно отвѣчаешь.—Вѣдь тебѣ угрождаю, сказалъ онъ.—И хорошо дѣлаешь; угоди же мнѣ отвѣтомъ и на слѣдующій вопросъ: думаешь ли ты, что или городъ, или войско, или разбойники, или воры, или иная толпа, несправедливо при-

ступая къ чему-либо сообщая, могли бы что-нибудь сдѣлать, еслибы не оказывали другъ другу справедливости? — Не думаю, отвѣчалъ онъ. — А что, — еслибы оказывали? тогда скорѣе бы? — Конечно. — Видно потому, Тразимахъ, что несправедливость-то возбуждаетъ смуты, враждебныя чувствованія и междоусобія, а справедливость раждаетъ единодушіе и дружбу. Не правда ли? — Пусть такъ, чтобы не спорить съ тобою, сказалъ онъ. — И хорошо дѣлаешь, почтеннѣйшій. Отвѣчай мнѣ еще на это: если несправедливости свойственно возбуждать ненависть вездѣ, гдѣ она находится; то, находясь и въ людяхъ свободныхъ и въ рабахъ, не заставитъ ли она ихъ ненавидѣть другъ друга и возставать другъ на друга? Не доведетъ ли она ихъ до невозможности дѣйствовать сообща? — Конечно доведетъ. — Да что? пусть она будетъ только въ двухъ, — не разсорятся ли они, не возненавидятъ ли одинъ другаго и не сдѣлаются ли врагами — какъ взаимно себѣ, такъ и справедливымъ? — Сдѣлаются, сказалъ онъ. — Но положимъ, почтеннѣйшій, что несправедливость находится въ одномъ: потеряетъ ли она свою силу, или тѣмъ не менѣе будетъ имѣть ее? — Пускай тѣмъ не менѣе имѣетъ, сказалъ онъ. — А сила ея не такую ли является намъ, что гдѣ она есть, — въ городѣ, въ племени, въ войскѣ, или въ чемъ другомъ, — тамъ ея подлежащее, питая въ себѣ и смуты и распри, прежде всего приходитъ въ безсиліе дѣйствовать согласно съ самимъ собою, да сверхъ того становится врагомъ и себѣ, и всему противоположному, или справедливому? Не такъ ли? — Конечно такъ. — Стало быть, находясь и въ одномъ, несправедливость, думаю, все то же будетъ дѣлать, что обыкновенно дѣлаетъ: то-есть, возмущающееся и не единодушное съ самимъ собою подлежащее сперва приведетъ въ безсиліе дѣйствовать, а потомъ вооружитъ его и противъ него самого, и противъ справедливыхъ. Не правда ли? — Правда. — Но справедливые-то, другъ мой, суть и боги? — Пускай, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно, несправедливый-то будетъ врагомъ и боговъ, Тра-

- зимахъ, тогда какъ справедливый — ихъ другомъ. — Угостайся бесѣдою смѣло, сказалъ онъ; чтобы не огорчить слушателей, противорѣчить тебѣ не стану. — Хорошо, примолвилъ я; угости же меня и остальными отвѣтами, какъ доселѣ. Теперь справедливые представляются намъ и мудрѣе, и лучше, и сильнѣе для дѣятельности; а несправедливые ничего не могутъ сдѣлать вмѣстѣ. Мы хоть и говоримъ,
- С. что совокупное усиліе людей несправедливыхъ иногда бывало могущественно, но говоримъ несовсѣмъ вѣрно; потому что, будучи несправедливыми, они не слишкомъ пощадили бы другъ друга. Явно, что въ нихъ находилось еще нѣсколько справедливости, которая мѣшала имъ оказывать несправедливость и самимъ-то себѣ, и тѣмъ, на кого они возставали. Посредствомъ этой справедливости они и совершили все, что совершили, хотя, бывъ въ-половину злы, несправедливостію стремились къ несправедливости.
- Д. Если же люди питаютъ злобу всецѣлую и несправедливость совершенную, то бываютъ и совершенно безсильны для дѣятельности. Такъ вотъ какъ дѣло-то я разумѣю, а не такъ, какъ ты сперва полагалъ. Наконецъ остается изслѣдовать, что мы предположили къ изслѣдованію впоследствии, то-есть лучше ли и счастливѣе ли живутъ справедливые, въ сравненіи съ несправедливыми. Изъ сказаннаго это видно и теперь уже, сколько мнѣ по крайней мѣрѣ кажется: однакожь изслѣдуемъ еще обстоятельнѣе; потому что рѣчь у насъ не о какомъ-либо маловажномъ предметѣ, а о томъ,
- Е. какъ надобно жить. — Изслѣдывай пожалуй, сказалъ онъ. — Изслѣдываю, примолвилъ я. И вотъ скажи мнѣ: кажется ли тебѣ, что есть какое-нибудь дѣло лошади? — Кажется. — Не то ли призналъ бы ты дѣломъ лошади, или другой вещи, что совершаютъ либо ею одною, либо ею всего лучше? — Не понимаю, сказалъ онъ. — Да вотъ какъ: можешь ли ты видѣть чѣмъ-нибудь, кромѣ глазъ? — Не могу. — Ну, а слышать чѣмъ-нибудь, кромѣ ушей? — Нисколько. — Слѣдовательно, не въ правѣ ли мы назвать это ихъ дѣломъ? —

Конечно.—Но что? виноградныя вѣтви ты можешь обрѣзы- 353.
 вать и ножемъ, и ножницами, и многими другими орудіями?
 —Какъ не мочь?—Однакожъ все-таки, думаю, ничѣмъ такъ
 хорошо не обрѣжешь, какъ садовымъ рѣзцомъ, который для
 того и сдѣланъ.—Правда.—Такъ не признаемъ ли это его
 дѣломъ?—Конечно признаемъ.—Значить, теперь ты легче
 можешь понять недавній мой вопросъ: не то ли есть дѣло
 каждой вещи, что совершается либо ею одною, либо ею луч-
 ше, чѣмъ другими?—Да, теперь-то я понимаю, и мнѣ ка-
 жется, что въ этомъ состоитъ дѣло каждой вещи.—Хоро- В.
 шо, продолжалъ я; но какъ тебѣ кажется? у всякаго, кому
 свойственно извѣстное дѣло, есть ли и добродѣтель? Воз-
 вратимся опять къ тому же: у глазъ, говорили мы, есть
 извѣстное дѣло?—Есть.—Стало быть, есть и свойственная
 имъ добродѣтель?—И добродѣтель.—Ну, а ушамъ приписа-
 ли извѣстное дѣло?—Да.—Слѣдовательно и добродѣтель?—
 И добродѣтель.—Что же касательно всего прочаго? не такъ
 же ли?—Такъ.—Постой теперь; глаза могутъ ли когда-ни-
 будь хорошо дѣлать свое дѣло, не имѣя свойственной себѣ
 добродѣтели, но, вмѣсто добродѣтели, подчиняясь злу?—Какъ С.
 мочь? сказалъ онъ. Вѣдь ты, вѣроятно, говоришь о слѣпотѣ,
 вмѣсто зрѣнія. — Какая бы то ни была добродѣтель ихъ,
 примолвилъ я; теперь вѣдь не объ этомъ спрашивается, а
 о томъ, — точно ли глаза хорошо дѣлаютъ свое дѣло свой-
 ственною себѣ добродѣтелью, а худо—зломъ?—Правда, ты
 именно объ этомъ говоришь, примолвилъ онъ.—Такъ и уши
 будутъ худо дѣлать свое дѣло, не имѣя свойственной себѣ
 добродѣтели?—Конечно.—Стало быть, и все прочее мы при-
 ведемъ къ тому же основанію? — Мнѣ кажется. — Хорошо. D.
 Теперь изслѣдуй вотъ что: душа имѣетъ ли какое-нибудь
 дѣло, котораго ты не могъ бы совершить ничѣмъ другимъ?
 Напримѣръ, стараться, начальствовать, совѣтоваться и все
 тому подобное, приписали ли бы мы по справедливости че-
 му-нибудь другому, кромѣ души, и не сказали ли бы, что
 это собственно ея дѣло? — Ничему другому. — Или опять

жить—не назовемъ ли дѣломъ души?—Даже всего болѣе, отвѣчалъ онъ.—Стало быть, не припишемъ ли душѣ и какой-либо добродѣтели?—Припишемъ. — Такъ душа, Тразимахъ, можетъ ли когда-нибудь хорошо совершать свои дѣла, не имѣя свойственной себѣ добродѣтели? Или это невозможно?—Невозможно.—Слѣдовательно душа худая, по необходимости, и начальствуетъ и старается худо, а добрая все это дѣлаетъ хорошо.—Необходимо.—Но мы согласились, что добродѣтель души есть справедливость, а зло — несправедливость? — Да, согласились. — Стало быть, душа справедливая, или человѣкъ справедливый будетъ жить хорошо, а несправедливый—

354. худо.—Изъ твоихъ основаній слѣдуетъ, сказалъ онъ. — Но кто живетъ хорошо, тотъ-то и счастливъ и блажененъ; а кто—нѣтъ, тотъ напротивъ.—Какъ же иначе?—Итакъ справедливый счастливъ, а несправедливый бѣдствуетъ.—Пускай, сказалъ онъ. — Но бѣдствовать-то бесполезно; полезно быть счастливымъ.—Какъ же иначе?—Стало быть, почтеннѣйшій Тразимахъ, несправедливость никогда не бываетъ полезнѣе справедливости.—Угощайся себѣ этимъ на Вендидяхъ, Сократъ, сказалъ онъ.—Лишь бы твое было угощеніе, Тразимахъ, примолвилъ я,—тѣмъ охотнѣе, что ты сдѣлался кро-

В. токъ и пересталъ сердиться. Впрочемъ я недовольно насытился,—и вина моя, а не твоя. Какъ обжоры съ жадностію хватаются за всѣ блюда, непрестанно приносимыя къ столу, прежде нежели порядочно покушаютъ изъ перваго: такъ, кажется, и я, не нашедши еще разсматриваемаго нами предмета, что такое справедливость, оставилъ его и поспѣшилъ изслѣдовать, зло ли она и невѣжество или мудрость и добродѣтель; а послѣ, по поводу рѣчи о томъ, что несправедливость полезнѣе справедливости, не удержался, чтобы

С. отъ того предмета не перейти къ этому. Такимъ образомъ изъ нашего разговора я теперь ничего не узналъ; ибо, не зная, что такое справедливость, едва ли узнаю, добродѣтель ли она, и счастливъ ли тотъ, кто имѣетъ ее, или несчастливъ.